

Александр ПУШКИН ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Иллюстрации Елены Самокиш-Судковской
Полная редакция с комментариями,
примечаниями и дополнительными главами

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. С. Пушкин. Портрет работы О. А. Кипренского

АЛЕКСАНДР ПУШКИН
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН
Роман в стихах

Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК84(2Рос)
УДК 811.161.1
Пуш91

Подбор иллюстраций

В. Шабловский

Верстка, обработка иллюстраций

Е. Гезенцвей

Дизайн обложки

А. Яскевич

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmeo с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшонирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Пуш91 **Пушкин А. С. Евгений Онегин:** — Санкт-Петербург. СЗКЭО, 2021, — 152 с.: ил.

В издание помимо классического текста «Евгения Онегина» включены многочисленные комментарии, обширная статья литературоведа Л. И. Поливанова, рассказывающая об истории создания «Онегина», варианты некоторых строф и частей романа, сохранившихся только в рукописях поэта, а также текст «Путешествия Онегина», восстановленный А. Ф. Бычковым по рукописной тетради Пушкина. Издание украшают великолепные цветные иллюстрации Елены Петровны Самокиш-Судковской.

ISBN 978-5-9603-0652-2 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-0653-9 (Кожанный переплет)

© СЗКЭО, 2021

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

РОМАН В СТИХАХ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
Е. САМОКИШ-СУДКОВСКОЙ

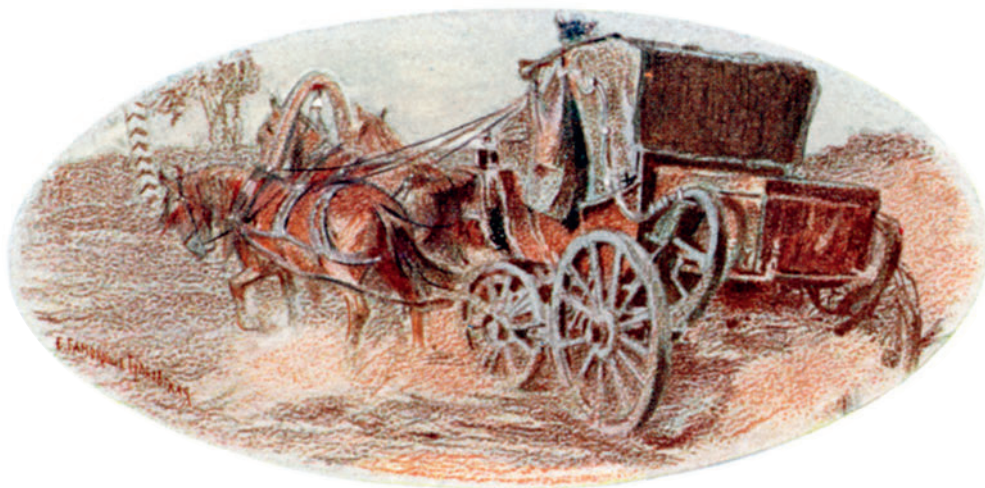
Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.
*Tiré d'une lettre particulière.*¹

Не мысля гордый свет забавить,
 Вниманье дружбы возлюбя,
 Хотел бы я тебе представить
 Залог достойнее тебя,
 Достойнее души прекрасной,
 Святой исполненной мечты,
 Поэзии живой и ясной,
 Высоких дум и простоты;
 Но так и быть – рукой пристрастной

Прими собранье пестрых глав,
 Полусмешных, полупечальных,
 Простонародных, идеальных,
 Небрежный плод моих забав,
 Бессонниц, легких вдохновений,
 Незрелых и увядших лет,
 Ума холодных наблюдений
 И сердца горестных замет.²

¹ Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого.
 Из частного письма (фр.).

² Это посвящение, обращенное автором к его другу П. А. Плетневу, стояло перед IV и V главами, которые были напечатаны в 1828 г. Когда в 1837 г. вышло второе полное издание «Евгения Онегина», оно было передвинуто в начало всего текста.

Глава первая

И жить торопится, и чувствовать спешит.¹

К. Вяземский.

I.

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II.

Так думал молодой повеса²,
Летя в пыли на почтовых,³
Всевышней волею Зевеса⁴
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.⁵

¹ Строка из стихотворения князя П. А. Вяземского «Первый снег».

² Повеса – проказник, бесшабашный гуляка.

³ Почтовые лошади во времена Пушкина подвозили путешественников.

⁴ Зевеса - Зевса.

⁵ Писано в Бессарабии (прим. П.). Здесь и далее сокращением «прим П.» помечены примечания Пушкина. Первую главу поэт писал в южной ссылке.

III.

Служив отлично благородно,
 Долгами жил его отец,
 Давал три бала ежегодно
 И промотался наконец.
 Судьба Евгения хранила:
 Сперва *Madame* за ним ходила,
 Потом *Monsieur* ее сменил.
 Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
 Чтоб не измучилось дитя,
 Учил его всему шутя,
 Не докучал моралью строгой,
 Слегка за шалости бранил
 И в Летний сад гулять водил.

IV.

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению пора,
 Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
 Вот мой Онегин на свободе;
 Острижен по последней моде,

Как *dandy*¹ лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V.

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант²:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм³.

VI.

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы⁴ разбирать,
Потолковать об Ювенале⁵,
В конце письма поставить *vale*⁶,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды⁷ два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула⁸ до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея⁹,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита¹⁰;
Зато читал Адама Смита¹¹
И был глубокой эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог¹²
И земли отдавал в залог.

¹ *Dandy*, *франт* (прим. П.).

² В данном случае *педант* – человек, самоуверенно судящий обо всем.

³ *Эпиграмма* здесь – остроумное замечание, *острота*.

⁴ *Эпиграф* здесь – античная надпись на здании или памятнике.

⁵ *Ювенал* – знаменитый древнеримский сатирик.

⁶ *Будь здоров* (лат.).

⁷ *Энеида* – поэма древнеримского поэта Вергилия.

⁸ *Ромул* – один из двух легендарных основателей Рима.

⁹ *Ямб* и *хорей* – названия стихотворных размеров.

¹⁰ *Феокрит* – древнегреческий поэт, воспевавший безмятежную пастушескую жизнь.

¹¹ *Адам Смит* – английский ученый XIX века, один из основателей политической экономики.

¹² Отец дал Онегину модное воспитание, сам, однако, оставаясь чуждым новым идеям, которые уже делались уделом молодого поколения и поверхностно схватывались его сыном.

VIII.

Всего, что знал еще Евгений,
 Пересказать мне недосуг;
 Но в чем он истинный был гений,
 Что знал он тверже всех наук,
 Что было для него измлада
 И труд, и мука, и отрада,
 Что занимало целый день
 Его тоскующую лень, –
 Была наука страсти нежной,
 Которую воспел Назон¹,
 За что страдальцем кончил он
 Свой век блестящий и мятежный
 В Молдавии, в глуши степей,
 Вдали Италии своей.

IX.²

.....

X.

Как рано мог он лицемерить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разуверять, заставить верить,
 Казаться мрачным, изнывать,
 Являться гордым и послушным,
 Внимательным иль равнодушным!
 Как томно был он молчалив,
 Как пламенно красноречив,
 В сердечных письмах как небрежен!
 Одним дыша, одно любя,
 Как он умел забыть себя!
 Как взор его был быстр и нежен,

Стыдлив и дерзок, а порой
 Блистал послушною слезой!

XI.

Как он умел казаться новым,
 Шутя невинность изумлять,
 Пугать отчаяньем готовым,
 Приятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиления,
 Невинных лет предубеждения
 Умом и страстью побеждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звук,
 Преследовать любовь, и вдаруг
 Добиться тайного свиданья...
 И после ей наедине
 Давать уроки в тишине!

XII.

Как рано мог уж он тревожить
 Сердца кокеток записных³!
 Когда ж хотелось уничтожить
 Ему соперников своих,
 Как он язвительно злословил!
 Какие сети им готовил!
 Но вы, блаженные мужья,
 С ним оставались вы друзья:
 Его ласкал супруг лукавый,
 Фобласа⁴ давний ученик,
 И недоверчивый старик,
 И рогоносец величавый,
 Всегда довольный сам собой,
 Своим обедом и женой.

¹ Публий Овидий Назон – древнеримский поэт, автор поэмы «*Ars amandi*» (Искусство любви). Был сослан на берега Черного моря, где и умер.

² Замечания Пушкина к пропущенным строфам см. в Приложении.

³ Записных – то есть общепризнанных.

⁴ Фоблас – герой любовного романа второй половины XVIII века, написанного французским писателем Луве-де-Кувре. Фоблас – легкомысленный дворянин, жизнь которого наполнена непрерывными любовными похождениями.

XIII. XIV.¹

.....
.....
.....

XV.

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Все равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*²,
Онегин едет на бульвар³
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет⁴
Не прозвонит ему обед.

XVI.

Уж темно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;⁵

Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*⁶ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин⁷.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы⁸ брызнул ток;
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный⁹
Меж сыром лимбургским живым¹⁰
И ананасом золотым.

XVII.

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,

¹ См. Приложение.

² *Шляпа à la Bolivar* (прим. П.). Эти шляпы (расширившиеся кверху цилиндры, с довольно большими полями) назывались так в честь Симона Боливара, героя освободительного движения в Латинской Америке.

³ То есть на Невский проспект; до 1820 года посреди него росли липки.

⁴ Часы, не требующие завода, названные по имени французского механика Бреге. Они заводились от движения, сообщаемого ходьбой, и отзванивали время при нажатии на особую пружинку. Потому у Пушкина: «недремлющий». Известно, что часы Бреге были уникальными – мастер не делал точных копий.

⁵ Таким криком разгоняли прохожих перед несущимся экипажем.

⁶ Известный ресторатор (прим. П.).

⁷ П. П. Каверин – гвардейский офицер, лицейский друг Пушкина; в молодости был частым гостем пирушек с участием Пушкина.

⁸ Марка шампанского – *Vin de la cote* (фр.); виноград в 1811 году уродился превосходным, и в этом же году на небе была видна крупная комета.

⁹ Пирог с изрубленной гусиной печенкой, привозимые из Страсбурга в запаянных жестяных коробках.

¹⁰ Сорт мягкого сыра из бельгийского Лимбурга.

Готов охлопать *entrechat*¹,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину² вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

XVIII.

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы³,
И переимчивый Княжнин⁴;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий⁵
С младай Семеновой⁶ делил;
Там наш Катенин⁷ воскресил
Корнеля⁸ гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской⁹
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло¹⁰ венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Все те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры¹¹
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет¹²,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX.

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – все кипит;
В райке¹³ нетерпеливо плещут,

¹ Антраша – легкий прыжок, во время которого танцор успевает скрестить ноги.

² Федра, Моина – роли из классического балетного репертуара.

³ Пушкин называет знаменитого драматурга Д. И. Фонвизина другом свободы за либеральные взгляды, которые тот высказывал в некоторых своих произведениях.

⁴ Творчество драматурга Я. Б. Княжнина носило подражательный характер, поэтому Пушкин называет его переимчивым.

⁵ Патриотические трагедии драматурга В. А. Озерова встречали у публики восторженный прием.

⁶ Екатерина Семенова – знаменитая драматическая актриса первой половины XIX века.

⁷ П. А. Катенин – известный переводчик французских драматургов пушкинского времени.

⁸ Пьер Корнель – один из основоположников французской классической трагедии; жил и творил в XVII веке.

⁹ Князь А. А. Шаховской – популярный драматург пушкинской эпохи, автор множества пьес, в том числе: «Новый Стерн», где был осмеян Карамзин, и «Дипецкие воды», где осмеян Жуковский.

¹⁰ Шарль Луи Дидло – вызванный при императоре Павле из Парижа знаменитый балетмейстер, реформатор старого балета.

¹¹ Терпсихора – в Древней Греции муза танцев и хорового пения.

¹² Лорнет – складные очки с ручкой.

¹³ Райк – старое название театральной галерки; верхние места под потолком, которые во французском театре называются «paradis» – рай.

И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина¹; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола²;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI.

Все хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет³ скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Все видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».⁴

XXII.

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;

Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;⁵
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,⁶
Бранят господ и бьют в ладони –
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII.

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный⁷
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, –
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

¹ Авдотья Истомина – выдающаяся петербургская балерина первой половины XIX века.

² Эол в Древней Греции – бог ветров.

³ Двойной лорнет крепился на пальце с помощью кольца.

⁴ Черта охлажденного чувства, достойная Чальд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более Поэзии, нежели во всей французской литературе (прим. П.).

⁵ Гардеробов в театрах начала XIX века не было, верхнюю одежду сторожили слуги.

⁶ В морозные ночи перед театрами разводили костры, вокруг которых грелись слуги и кучера.

⁷ В пушкинское время щепетильными товарами называли галантерейные изделия.

XXIV.

Янтарь на трубках Цареграда¹,
 Фарфор и бронза на столе,
 И, чувств изнеженных отрада,
 Духи в граненом хрустале;
 Гребенки, пилочки стальные,

Прямые ножницы, кривые
 И щетки тридцати родов
 И для ногтей и для зубов.
 Руссо² (замечу мимоходом)
 Не мог понять, как важный Грим³
 Смел чистить ногти перед ним,

¹ Цареградом на Руси называли Константинополь. Курительные трубки из этого города в пушкинское время весьма ценились.

² Жан-Жак Руссо – французский философ XVIII века, ратовавший за народовластие; поэтому Пушкин и называет его защитником вольности. Отрицательное же отношение Руссо к образованию Пушкин считал сумасбродным.

³ Барон Фридрих Мельхиор Гримм – друг Руссо, энциклопедист.

Красноречивым сумасбродом¹.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

XXV.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев², мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной³ выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

XXVI.

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноязычными словами,

Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь⁴.

XXVII.

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете⁵
Уж мой Онегин поскакал.
Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян плошками кругом,⁶
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков.

XXVIII.

Вот наш герой подъехал к сениям;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой,
Вошел. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда⁷ шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрипок заглушен
Ревнивый шепот модных жен.

¹ См. прим. П. в Приложении.

² П. Я Чадаев – писатель, философ и близкий друг Пушкина.

³ Во времена Пушкина уборная – комната для переодеваний.

⁴ Имеется в виду «Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный»; он издавался с 1806 по 1822 г. См. Приложение.

⁵ Ямскими назывались наемные кареты.

⁶ Во времена Пушкина для освещения фасадов домов использовались металлические тарелочки с маслом и горящими фитилями; их ставили на карнизы.

⁷ Кавалергард — офицер элитного конногвардейского полка.

XXIX.

Во дни веселий и желаний
 Я был от балов без ума:
 Верней нет места для признаний
 И для вручения письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вам предложу свои услуги;
 Прошу мою заметить речь:
 Я вас хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, построже
 За дочерьми смотрите вслед:
 Держите прямо свой лорнет!
 Не то... не то, избави боже!
 Я это потому пишу,
 Что уж давно я не грешу.

XXX.

Увы, на разные забавы
 Я много жизни погубил!
 Но если б не страдали нравы,
 Я балы б до сих пор любил.
 Люблю я бешеную младость,
 И тесноту, и блеск, и радость,
 И дам обдуманый наряд;
 Люблю их ножки; только вряд
 Найдете вы в России целой
 Три пары стройных женских ног.
 Ах! долго я забыть не мог
 Две ножки... Грустный, охладельный,
 Я все их помню, и во сне
 Они тревожат сердце мне.

XXXI.

Когда ж и где, в какой пустыне,
 Безумец, их забудешь ты?
 Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
 Где мнете вешние цветы?
 Взлелеяны в восточной неге,

На северном, печальном снеге
 Вы не оставили следов:
 Любили мягких вы ковров
 Роскошное прикосновенье.
 Давно ль для вас я забывал
 И жажду славы и похвал,
 И край отцов, и заточенье?
 Исчезло счастье юных лет,
 Как на лугах ваш легкий след.

XXXII.

Дианы¹ грудь, ланиты Флоры²
 Прелестны, милые друзья!
 Однако ножка Терпсихоры
 Прелестней чем-то для меня.
 Она, пророчествуя взгляду
 Неоцененную награду,
 Влечет условною красой
 Желаний своевольный рой.
 Люблю ее, мой друг Эльвина³, (58)
 Под длинной скатертью столов,
 Весной на мураве лугов,
 Зимой на чугуне камина,
 На зеркальном паркете зал,
 У моря на граните скал.

XXXIII.

Я помню море пред грозою:
 Как я завидовал волнам,
 Бегущим бурной чередою
 С любовью лечь к ее ногам!
 Как я желал тогда с волнами
 Коснуться милых ног устами!
 Нет, никогда средь пылких дней
 Кипящей младости моей
 Я не желал с таким мученьем
 Лобзать уста младых Армид⁴,
 Иль розы пламенных ланит,

¹ Диана – древнеримская богиня охоты.

² Флора – древнеримская богиня цветов и плодов

³ Условно-поэтическое имя, связанное с любовной лирикой.

⁴ Армида – героиня рыцарской поэмы итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», обольстительная красавица.

Иль перси¹, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

XXXIV.

Мне памятно другое время!
В заветных иногда мечтах
Держу я счастливое стремя...
И ножку чувствую в руках;
Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!..
Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:
Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы... как ножки их.

XXXV.

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неутомонный
Уж барабаном пробужден.
Встанет купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка² спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец акуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*³.

XXXVI.

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется заповедь, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII.

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань⁴, и саблю, и свинец.

XXXVIII.

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,

¹ Перси (церк.-слав.) – грудь.

² Охта – район в Петербурге, откуда во времена Пушкина финки разносили молоко, сливки и масло собственного приготовления.

³ Васисдас (*vasistas*) – во французском языке маленькая часть двери или окна, которая открывается или закрывается по желанию. Через нее булочник мог, не отпирая дверей, продавать хлеб покупателям.

⁴ Имеется в виду война (ср. «поле брани»).

Короче: русская хандра
 Им овладела понемногу;
 Он застрелиться, слава богу,
 Попробовать не захотел,
 Но к жизни вовсе охладел.
 Как *Child-Harold*¹, угрюмый, томный
 В гостиных появлялся он;
 Ни сплетни света, ни бостон²,
 Ни милый взгляд, ни вздох
 нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замечал он ничего.

XXXIX. XL. XLI.³

.....

XLII.

Причудницы большого света!
 Всех прежде вас оставил он;
 И правда то, что в наши лета
 Довольно скучен высший тон;
 Хоть, может быть, иная дама
 Толкует Сея⁴ и Бентама⁵,
 Но вообще их разговор
 Несносный, хоть невинный вздор;
 К тому ж они так непорочны,
 Так величавы, так умны,

Так благочестия полны,
 Так осмотрительны, так точны,
 Так неприступны для мужчин,
 Что вид их уж рождает *сплин*⁶.

XLIII.

И вы, красотки молодые,
 Которых позднее порой
 Уносят дрожки удалые
 По петербургской мостовой,
 И вас покинул мой Евгений.
 Отступник бурных наслаждений,
 Онегин дома заперся,
 Зевая, за перо взялся,
 Хотел писать – но труд упорный
 Ему был тошен; ничего
 Не вышло из пера его,
 И не попал он в цех задорный
 Людей, о коих не сужу,
 Затем, что к ним принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный безделью,
 Томясь душевной пустотой,
 Уселся он – с похвальной целью
 Себе присвоить ум чужой;
 Отрядом книг уставил полку,
 Читал, читал, а все без толку:
 Там скука, там обман иль бред;

¹ Чайльд-Гарольд – герой романа Байрона; разочарованный молодой аристократ, пресыщенный жизнью.

² Бостон – распространенная в XIX веке карточная игра.

³ Пропуски некоторых строк в романе являются композиционным приемом. Текста этих строк нет в черновиках.

⁴ Жан-Батист Сэй – французский экономист, чьи работы в переводах читали в России того времени.

⁵ Иеремия Бентам – английский философ и правовед конца XVIII – начала XIX века.

⁶ Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественникам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Людовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностью и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестью, столь пленившей 2-жу Сталь (См. *Dix ans d'exil*) (Прим. П.).

В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги¹;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.
Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой².

XLV.

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он утрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

XLVI.

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.

Все это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII.

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невую³
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы⁴,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII.

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит.⁵
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дробек отдаленный стук

¹ Вериги – цепи, которые носили на теле религиозные аскеты; имеются в виду умственные или духовные оковы.

² Тафта – тонкая ткань.

³ Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича... (Прим. П.). См. Приложение.

⁴ Лик Дианы – имеется в виду Луна.

⁵ Въявь богиню благосклонну

Зрит восторженный пиит,

Что проводит ночь бессонну,

Опершись на гранит.

(Муравьев. Богине Невы) (Прим. П.). См. Приложение.

С Милбонной¹ раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая...
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!²

XLIX.

Адриатические волны,
О Брента!³ нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона⁴
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

L.

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней;
Брожу над морем,⁵ жду погоды,
Маню ветрила кораблей.⁶
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?⁷
Пора покинуть скучный брег

Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,⁸
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

LI.

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
Перед Онегиным собрался
Займодавцев жадный полк.
У каждого свой ум и толк:
Евгений, тяжбы ненавидя,
Довольный жребием своим,
Наследство предоставил им,
Большой потери в том не видя
Иль предузнав издаലെка
Кончину дяди старика.

LII.

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,

¹ Миллионная улица проходит от Лебяжьей канавки до Дворцовой площади.

² Торквато Тассо – итальянский поэт XVI века, написавший октавами поэму «Освобожденный Иерусалим».

³ Брента – река в Италии, впадающая в Венецианский залив.

⁴ Под лирой Альбиона имеется в виду поэзия Байрона. Англию называли Альбионом благодаря цвету меловых береговых скал (лат. *albus* – «белый»).

⁵ Писано в Одессе (Прим. П.).

⁶ Ветрила кораблей – паруса.

⁷ На юге у Пушкина была мысль бежать за границу.

⁸ См. первое издание Евгения Онегина (прим. П.). См. Приложение.

На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

LIII.

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и друзья,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин – сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

LV.

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвящаться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente*¹ мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:
Читаю мало, долго сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

LVI.

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

LVII.

Замечу кстати: все поэты –
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;

¹ *far niente* (итал.) – безделье, ничегонеделание.

Их после муза оживила:
 Так я, беспечен, воспевал
 И деву гор¹, мой идеал,
 И пленниц берегов Салгира².
 Теперь от вас, мои друзья,
 Вопрос нередко слышу я:
 «О ком твоя вздыхает лира?»
 Кому, в толпе ревнивых дев,
 Ты посвятил ее напев?

LVIII.

Чей взор, волнуя вдохновенье,
 Умильной лаской наградил
 Твое задумчивое пенье?
 Кого твой стих боготворил?»
 И, други, никого, ей-богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испытал.
 Блажен, кто с нею сочетал
 Горячку рифм: он тем удвоил
 Поэзии священный бред,
 Петрарке шествуя вослед,
 А муки сердца успокоил,
 Поймал и славу между тем;
 Но я, любя, был глуп и нем.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный ум.

Свободен, вновь ищу союза
 Волшебных звуков, чувств и дум;
 Пишу, и сердце не тоскует,
 Перо, забывшись, не рисует,
 Близ неоконченных стихов,
 Ни женских ножек, ни голов;
 Погасший пепел уж не вспыхнет,
 Я все грущу; но слез уж нет,
 И скоро, скоро бури след
 В душе моей совсем утихнет:
 Тогда-то я начну писать
 Поэму песен в двадцать пять.

LX.

Я думал уж о форме плана
 И как героя назову;
 Покамест моего романа
 Я кончил первую главу;
 Пересмотрел все это строго:
 Противоречий очень много,
 Но их исправить не хочу.
 Цензуре долг свой заплачу
 И журналистам на съеденье
 Плоды трудов моих отдам:
 Иди же к невиским берегам,
 Новорожденное творенье,
 И заслужи мне славы дань:
 Кривые толки, шум и брань!

¹ Девы гор – героиня «Кавказского пленника»; спасающая пленника черкешенка.

² Салгир – крымская речка; ее «пленницы» – героини «Бахчисарайского фонтана», обительницы гарема Мария и Зарема.

ГЛАВА ВТОРАЯ

O rus!...

Nor.¹

O Русь!

I.

Деревня, где скучал Евгений,
 Была прелестный уголок;
 Там друг невинных наслаждений
 Благословить бы небо мог.
 Господский дом уединенный,
 Горой от ветров огражденный,
 Стоял над речкою. Вдали
 Пред ним пестрели и цвели
 Луга и нивы золотые,
 Мелькали селы; здесь и там
 Стада бродили по лугам,
 И сени расширял густые
 Огромный, запущенный сад,
 Приют задумчивых дриад².

II.

Почтенный замок был построен,
 Как замки строиться должны:
 Отменно прочен и спокоен
 Во вкусе умной старины.
 Везде высокие покои,
 В гостиной штофные обои³,
 Царей портреты на стенах,

И печи в пестрых изразцах.
 Все это ныне обветшало,
 Не знаю, право, почему;
 Да, впрочем, другу моему
 В том нужды было очень мало,
 Затем, что он равно зевал
 Средь модных и старинных зал.

III.

Он в том покое поселился,
 Где деревенский старожил
 Лет сорок с ключницей⁴ бранился,
 В окно смотрел и мух давил.
 Все было просто: пол дубовый,
 Два шкафа, стол, диван пуховый,
 Нигде ни пятнышка чернил.
 Онегин шкафы отворил;
 В одном нашел тетрадь расхода,
 В другом наливки целый строй,
 Кувшины с яблочной водой⁵
 И календарь осьмого года:
 Старик, имея много дел,
 В иные книги не глядел.

¹ О, деревня! Гораций (лат.). В переводе у Пушкина игра на созвучии слов.

² Дриады в древнегреческой мифологии – лесные древесные нимфы.

³ Обои из шелковой ткани; (от нем. Stoff – материал, ткань).

⁴ Ключница – управляющая, хранящая все ключи дома.

⁵ Яблочная вода (фр. eau-de-pomme) – слабоалкогольный напиток, сидр.

IV.

Один среди своих владений,
 Чтоб только время проводить,
 Сперва задумал наш Евгений
 Порядок новый учредить.
 В своей глуши мудрец пустынный,
 Ярём¹ он барщины² старинной
 Оброком³ легким заменил;
 И раб судьбу благословил.
 Зато в углу своем надулся,
 Увидя в этом страшный вред,
 Его расчетливый сосед;
 Другой лукаво улыбнулся,
 И в голос все решили так,
 Что он опаснейший чудак.

V.

Сначала все к нему езжали;
 Но так как с заднего крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему донского жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышат их домашни дроги⁴, –
 Поступком оскорбясь таким,
 Все дружбу прекратили с ним.
 «Сосед наш неуч; сумасбродит;
 Он фармазон⁵; он пьет одно
 Стаканом красное вино;
 Он дамам к ручке не подходит;
 Все *да да нет*; не скажет *да-с*
 Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

VI.

В свою деревню в ту же пору
 Помещик новый прискакал
 И столь же строгому разбору
 В соседстве повод подавал:
 По имени Владимир Ленский,
 С душою прямо геттингенской⁶,
 Красавец, в полном цвете лет,
 Поклонник Канта⁷ и поэт.
 Он из Германии туманной⁸
 Привез учености плоды:
 Вольнолюбивые мечты,
 Дух пылкий и довольно странный,
 Всегда восторженную речь
 И кудри черные до плеч.

VII.

От холодного разврата света
 Еще увянуть не успев,
 Его душа была согрета
 Приветом друга, лаской дев;
 Он сердцем милый был невежда,
 Его лелеяла надежда,
 И мира новый блеск и шум
 Еще пленяли юный ум.
 Он забавлял мечтою сладкой
 Сомненья сердца своего;
 Цель жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой,
 Над ней он голову ломал
 И чудеса подозревал.

¹ Ярём – старинная форма слова «ярмо».

² Барщина – принудительный труд крестьян на полях помещиков.

³ Оброк – плата деньгами или продуктами, за которую крепостные получали право заниматься ремеслами или промыслами.

⁴ Дроги – повозка.

⁵ Искаженное «франк-масон», то есть член масонской ложи; вольнодумец, бунтарь, опасная личность.

⁶ Выпускники немецкого Геттингенского университета слыли либералами; среди них было немало романтически настроенных любителей поэзии.

⁷ Иммануил Кант – выдающийся немецкий философ XVIII века.

⁸ Намек не на климат, а на сложные конструкции идеалистической философии в Германии того времени.

VIII.

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

IX.

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем;
И муз возвышенных искусства,
Счастливцев, он не постыдил:
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных.
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;

Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

XI.

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XII.

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
*Приди в чертог ко мне златой!..*¹

XIII.

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

XIV.

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал,
И вообще их презирал, –
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал
И вчуже² чувство уважал.

XV.

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в сужденьях зыбкий,
И вечно вдохновенный взор, –
Онегину все было ново;
Он охладительное слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;

¹ Из первой части Днепровской русалки (Прим. П.). Имеется в виду популярная ария из переложенной на русский язык немецкой оперы «Фея Дуная».

² Вчуже – со стороны, отчужденно.

ЕО ВЛ

Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

XVI.

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынных моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья:

Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь – разлукой,
Вражду – злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.¹

XVIII.

Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя,
И нам становятся смешны
Их своеволие иль порывы
И запоздалые отзывы, –
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид²
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забытый в хижине своей.

XIX.

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,

Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX.

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI.

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы³
Друзья-соседы, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила

¹ То есть не играл в азартные карточные игры.

² В начале XIX века под инвалидами имели в виду и ветеранов.

³ То есть предрекали венчание в церкви.

Его цевницы¹ первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила;
Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,

Движенья, голос, легкий стан,
Все в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ее сестра звалась Татьяна...²
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало

¹ Цевница (церк.-слав.) – свирель; в данном случае символ романтической поэзии.

² Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами (Прим. П.).

У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, – больше ничего.

XXV.

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склоняясь на пальцы¹,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
К приличию – закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды

Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленили больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII.

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,

¹ Пальцы – деревянная рамка, на которую натягивается ткань для вышивки.

Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый поживает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона¹ и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла²;

Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI.

Как он, она была одета
Всегда по моде и к лицу;
Но, не спросясь ее совета,
Девуцу повезли к венцу.
И чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она.³

XXXII.

Привычка усладила горе,
Не отразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом

¹ Сэмюэл Ричардсон – английский писатель XVIII века, родоначальник жанра сентиментальных романов.

² Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов (Прим. П.). Имя последнего персонажа из романа Ричардсона стало нарицательным; ловелас – волокита, соблазнитель женщин.

³ *Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude.* Chateaubriand (Прим. П.). Перевод – Если бы я имел глупость верить еще в счастье, я бы искал его в привычке. Шатобриан (фр.).

Самодержавно управлять,
И все тогда пошло на статью.¹
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы²,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь –
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,³
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский Н как N французский
Произносить умела в нос;
Но скоро все перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла: стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконец
На вате шлафор⁴ и чепец.

XXXIV.

Но муж любил ее сердечно,
В ее затей не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась

Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV.

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;⁵
Любили круглые качели,
Подблюдны песни⁶, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари⁷
Они роняли слезки три;⁸
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостей
Носили блюда по чинам.⁹

XXXVI.

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,

¹ Пошло на статью – пошло на лад.

² Брила лбы – то есть сдавала своих крепостных в солдаты.

³ Автор иронизирует над восторженными стишками, которые часто появлялись в таких альбомах.

⁴ Шлафор – ночной халат.

⁵ Говеть – поститься и посещать все церковные службы, готовясь к исповеди.

⁶ Старинные песни, которые пели девушки над блюдом при гадании.

⁷ Заря или зоря – растение любисток.

⁸ Старинный обряд «плаканья на цветы» был связан с замаливанием грехов.

⁹ По старинному дворянскому обычаю кушанья за столом слуги подавали в порядке старшинства чинов.

Детьми и верною женой
 Чистосердечней, чем иной.
 Он был простой и добрый барин,
 И там, где прах его лежит,
 Надгробный памятник гласит:
*Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
 Господний раб и бригадир,
 Под камнем сим вкушает мир.*

XXXVII.

Своим пенатам¹ возвращенный,
 Владимир Ленский посетил
 Соседа памятник смиренный,
 И вздох он пеплу посвятил;
 И долго сердцу грустно было.
 «*Poor Yorick!*² – молвил он уныло, –
 Он на руках меня держал.
 Как часто в детстве я играл
 Его Очаковской медалью!
 Он Ольгу прочил за меня,
 Он говорил: дождусь ли дня?...»
 И, полный искренней печалью,
 Владимир тут же начертал
 Ему надгробный мадригал³.

XXXVIII.

И там же надписью печальной
 Отца и матери, в слезах,
 Почтил он прах патриархальный...
 Увы! на жизненных браздах
 Мгновенной жатвой поколенья,
 По тайной воле провиденья,
 Восходят, зреют и падут;
 Другие им вослед идут...
 Так наше ветреное племя
 Растет, волнуется, кипит

И к гробу прадедов теснит.
 Придет, придет и наше время,
 И наши внуки в добрый час
 Из мира вытеснят и нас!

XXXIX.

Покамест упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнью, друзья!
 Ее ничтожность разумею
 И мало к ней привязан я;
 Для призраков закрыл я вежды⁴;
 Но отдаленные надежды
 Тревожат сердце иногда:
 Без неприметного следа
 Мне было б грустно мир оставить.
 Живу, пишу не для похвал;
 Но я бы, кажется, желал
 Печальный жребий свой прославить,
 Чтоб обо мне, как верный друг,
 Напомнил хоть единый звук.

XL.

И чье-нибудь он сердце тронет;
 И, сохраненная судьбой,
 Быть может, в Лете⁵ не потонет
 Строфа, слагаемая мной;
 Быть может (лестная надежда!),
 Укажет будущий невежда
 На мой прославленный портрет
 И молвит: то-то был поэт!
 Прими ж мои благодаренья,
 Поклонник мирных аонид⁶,
 О ты, чья память сохранит
 Мои летучие творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплет лавры старика!

¹ В Древнем Риме пенаты – божества домашнего очага.

² «Бедный Йорик!» – восклицание Гамлета над черепом шута. (См. Шекспира и Стерна.). (Прим. П.).

³ Мадригал – небольшое стихотворение хвалебного содержания.

⁴ Вежды (устар.) – веки; сомкнуть вежды – закрыть глаза.

⁵ В древнегреческой мифологии Лета – река забвения.

⁶ Аониды в древнегреческой мифологии – музы, покровительствующие искусствам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Elle était fille, elle était amoureuse.¹
*Malfilâtre*²

I.

«Куда? Уж эти мне поэты!»
 – Прощай, Онегин, мне пора.
 «Я не держу тебя; но где ты
 Свои проводишь вечера?»
 – У Лариных. – «Вот это чудно.
 Помилуй! и тебе не трудно
 Там каждый вечер убивать?»
 – Нимало. – «Не могу понять.
 Отселе вижу, что такое:

Во-первых (слушай, прав ли я?),
 Простая, русская семья,
 К гостям усердие большое,
 Варенье, вечный разговор
 Про дождь, про лен,
 про скотный двор...»

II.

– Я тут еще беды не вижу.
 «Да скука, вот беда, мой друг».

¹ Она была девушка, она была влюблена (фр.).

² Шарль Луи Мальфилатр – французский поэт XVIII века.

– Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний крут,
Где я могу... – «Опять эклога!»¹
Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду² эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera³?..
Представь меня». – Ты шутишь.
– «Нету».
– Я рад. – «Когда же?» – Хоть сейчас.
Они с охотой примут нас.

III.

Поедем. –
Поскакали друти,
Явились; им расточены
Порой тяжелые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вощаной⁴
Кувшин с брусничною водой.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.⁵
Теперь послушаем украдкой
Героев наших разговор:
– Ну что ж, Онегин? ты зевашь. –
– «Привычка, Ленский». – Но скучашь
Ты как-то больше. – «Нет, равно.
Однако в поле уж темно;
Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда.

V.

Скажи: которая Татьяна?⁶
– Да та, которая, грустна
И молчалива, как Светлана⁶,
Вошла и села у окна. –
«Неужто ты влюблен в меньшую?»
– А что? – «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне⁷:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

¹ Эклога в античной поэзии – сцена из пастушеской жизни.

² Филлида – имя, распространенное в античной идиллической поэзии.

³ Et cetera (лат.) – и так далее.

⁴ Подразумевается натертая воском скатерть поверх столика.

⁵ В прежнем издании, вместо домой летят, было ошибкою напечатано зимой летят (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Сеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю (Прим. П).

⁶ Имеется в виду романтически настроенная героиня одноименной баллады Жуковского.

⁷ Вариант в рукописи – «Как в Рафаелевой Мадоне». Вряд ли Пушкин имел в виду конкретную картину Ван-Дейка.

VI.

Меж тем Онегина явленье
 У Лариных произвело
 На всех большое впечатленье
 И всех соседей развлекало.
 Пошла догадка за догадкой.
 Все стали толковать украдкой,
 Шутить, судить не без греха,
 Татьяне прочить жениха;
 Иные даже утверждали,
 Что свадьба слажена совсем,
 Но остановлена затем,
 Что модных колец не достали.
 О свадьбе Ленского давно
 У них уж было решено.

VII.

Татьяна слушала с досадой
 Такие сплетни; но тайком
 С неизъяснимою отрадой
 Невольно думала о том;
 И в сердце дума заронилась;
 Пора пришла, она влюбилась.
 Так в землю падшее зерно
 Весны огнем оживлено.
 Давно ее воображенье,
 Сгорая негой и тоской,
 Алкало¹ пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Теснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого-нибудь,

VIII.

И дождалась... Открылись очи;
 Она сказала: это он!

Увы! теперь и дни и ночи,
 И жаркий одинокий сон,
 Все полно им; все дева милой
 Без умолку волшебной силой
 Твердит о нем. Докучны ей
 И звуки ласковых речей,
 И взор заботливой прислуги.
 В уныние погружена,
 Гостей не слушает она
 И проклиная их досуги,
 Их неожиданный приезд
 И продолжительный присест.

IX.

Теперь с каким она вниманьем
 Читает сладостный роман,
 С каким живым очарованьем
 Пьет обольстительный обман!
 Счастливой силою мечтанья
 Одушевленные созданья,
 Любовник Юлии Вольмар²,
 Малек-Адель и де Линар,
 И Вертер³, мученик мятежный,
 И бесподобный Грандисон⁴,
 Который нам наводит сон, –
 Все для мечтательницы нежной
 В единый образ облеклись,
 В одном Онегине слились.

X.

Воображаясь героиней
 Своих возлюбленных творцов,
 Кларисой⁵, Юлией, Дельфиной⁶,
 Татьяна в тишине лесов
 Одна с опасной книгой бродит,

¹ Алкать (устр.) – желать, жаждасть.

² Юлия – героиня популярного романа Жан-Жака Руссо «Новая Элоиза».

³ Вертер – герой романа Гете, кончающий жизнь самоубийством из-за несчастной любви.

⁴ Малек-Адель, герой посредственного романа М-те Cottin. Густав де Линар, герой прелестной повести баронессы Крюднер (Прим. П).

⁵ Кларисса – героиня одного из романов Ричардсона.

⁶ Дельфина – героиня одного из романов французской писательницы Жермены де Сталь.

Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...
Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.

XI.

Свой слог на важный лад настроя,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец.
Он одарял предмет любимый,
Всегда несправедливо гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

XII.

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен – и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир

Или задумчивый Вампир¹,
Или Мельмот², бродяга мрачный,
Иль вечный жид³, или Корсар⁴,
Или таинственный Сбогар⁵.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

XIII.

Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы⁶ презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконец
Я поведаю их под венец...
Я вспомню речи неги страстной,

¹ Рассказ «Вампир» английского писателя Джона Полидори был опубликован в 1819 году; считается, что он стал первым описанием вампира в литературе.

² «Мельмот Скиталец» – популярный роман английского писателя Чарльза Метьюрина.

³ Имеется в виду иудей Агасфер; этот легендарный персонаж был обречен скитаться до второго пришествия Христа.

⁴ Корсар – морской пират, герой поэмы Байрона.

⁵ Jean Sbogor, известный роман Карла Нодье (Прим. П.).

⁶ Феб – иное имя бога света и поэзии, покровителя муз Аполлона.

Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуститель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,
И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем покрыты,
Дыханье замерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах...
Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальный свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:

XVII.

«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне».
– Что, Таня, что с тобой?
– «Мне скучно,
Поговорим о старине».

– О чем же, Таня? Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц;
А нынче все мне темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая черед!
Зашибло... – «Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

– И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. –
«Да как же ты венчалась, няня?»
– Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели
Да с пеньем в церковь повели.¹

XIX.

И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня... –
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..»
– Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь... – «Я не больна:
Я... знаешь, няня... влюблена».

– Дитя мое, господь с тобою! –
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлой рукой.

XX.

«Я влюблена», – шептала снова
Старушке с горестью она.
– Сердечный друг, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена».
И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы,
И распущенные власы,
И капли слез, и на скамейке
Пред героиней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной телогрейке;
И все дремало в тишине
При вдохновительной луне.

XXI.

И сердцем далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдруг мысль в уме ее родилась...
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь; я скоро лягу;
Прости». И вот она одна.
Все тихо. Светит ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишет,
И все Евгений на уме,
И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит.
Письмо готово, сложено..
Татьяна! для кого ж оно?

XXII.

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,

¹ К этой строфе у Пушкина имелось следующее примечание: «Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж. – По страсти, родимый, – отвечала она: – приказчик и староста обещались меня до полусмерти прибить. В старину свадьбы, как суды, обыкновенно были пристрастны».

Неумолимых, неподкупных,
 Непостижимых для ума;
 Дивился я их спеси модной,
 Их добродетели природной,
 И, признаюсь, от них бежал,
 И, мнится, с ужасом читал
 Над их бровями надпись ада:
*Оставь надежду навсегда.*¹
 Внушать любовь для них беда,
 Пугать людсь для них отрада.
 Быть может, на берегах Невы
 Подобных дам видали вы.

XXIII.

Среди поклонников послушных
 Других причудниц я видал,
 Самолюбиво равнодушных
 Для вздохов страстных и похвал.
 И что ж нашел я с изумленьем?
 Они, суровым поведеньем
 Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умели вновь
 По крайней мере сожаленьем,
 По крайней мере звук речей
 Казался иногда нежней,
 И с легковерным ослепленьем
 Опять любовник молодой
 Бежал за милой суетой.

XXIV.

За что ж виновнее Татьяна?
 За то ль, что в милой простоте
 Она не ведает обмана
 И верит избранной мечте?
 За то ль, что любит без искусства,
 Послушная влеченью чувства,
 Что так доверчива она,
 Что от небес одарена

Воображением мятежным,
 Умом и волею живой,
 И своенравной головой,
 И сердцем пламенным и нежным?
 Ужели не простите ей
 Вы легкомыслия страстей?

XXV.

Кокетка судит хладнокровно,
 Татьяна любит не шутя
 И предается безусловно
 Любви, как милое дитя.
 Не говорит она: отложим –
 Любви мы цену тем умножим,
 Вернее в сети заведем;
 Сперва тщеславие кольнем
 Надеждой, там недоуменьем
 Измучим сердце, а потом
 Ревнивым оживим огнем;
 А то, скучая наслажденьем,
 Невольник хитрый из оков
 Всечасно вырваться готов.

XXVI.

Еще предвижу затрудненья:
 Родной земли спасая честь,
 Я должен буду, без сомненья,
 Письмо Татьяны перевести.
 Она по-русски плохо знала,²
 Журналов наших не читала
 И выражалась с трудом
 На языке своем родном,
 Итак, писала по-французски...
 Что делать! повторяю вновь:
 Доныне дамская любовь
 Не изъяснялася по-русски,
 Доныне гордый наш язык
 К почтовой прозе не привык.

¹ *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.* С скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха. (Прим. П.). Имеется в виду строчка из «Божественной комедии» Данте: «Оставьте всякую надежду, сюда входящие».

² Имеются в виду трудности с письменной формой речи.

XXVII.

Я знаю: дам хотят заставить
 Читать по-русски. Право, страх!
 Могу ли их себе представить
 С «Благонамеренным»¹ в руках!
 Я шлюсь на вас, мои поэты;
 Не правда ль: милые предметы,
 Которым, за свои грехи,
 Писали втайне вы стихи,
 Которым сердце посвящали,
 Не все ли, русским языком
 Владея слабо и с трудом,
 Его так мило искажали,
 И в их устах язык чужой
 Не обратился ли в родной?

XXVIII.

Не дай мне бог сойтись на бале
 Иль при разъезде на крыльце
 С семинаристом в желтой шале
 Иль с академиком в чепце!²
 Как уст румяных без улыбки,
 Без грамматической ошибки
 Я русской речи не люблю.
 Быть может, на беду мою,
 Красавиц новых поколение,
 Журналов вняв молящий глас,
 К грамматике приучит нас;
 Стихи введут в употребленье;

Но я... какое дело мне?
 Я верен буду старине.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепет,
 Неточный выговор речей
 По-прежнему сердечный трепет
 Произведут в груди моей;
 Раскаяться во мне нет силы,
 Мне галлицизмы³ будут милы,
 Как прошлой юности грехи,
 Как Богдановича⁴ стихи.
 Но полно. Мне пора заняться
 Письмом красавицы моей;
 Я слово дал, и что ж? ей-ей
 Теперь готов уж отказаться.
 Я знаю: нежного Парни⁵
 Перо не в моде в наши дни.

XXX.

Певец Пиров и грусти томной,⁶
 Когда б еще ты был со мной,
 Я стал бы просьбою нескромной
 Тебя тревожить, милый мой:
 Чтоб на волшебные напевы
 Переложил ты страстной девы
 Иноплеменные слова.
 Где ты? приди: свои права
 Передаю тебе с поклоном...
 Но посреди печальных скал,

¹ Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял (Прим. П.).

² Семинарист в шали и академик в чепце – имеются в виду женщины.

³ Галлицизмы – слова и обороты речи, заимствованные или происходящие из французского языка.

⁴ Ипполит Богданович – поэт второй половины XVIII века, автор популярной поэмы «Душенька», вольного изложения романа Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона».

⁵ Эварист Парни – французский поэт второй половины XVIII века, автор многочисленных элегий, мастер любовной лирики.

⁶ Е. А. Баратынский (Прим. П.). Пушкин высоко ценил его поэзию и считал близким другом.

Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,¹
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.

Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный
Или разыгранный Фрейшиц²
Перстами робких учениц:

Письмо Татьяны к Онегину³

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блесим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался

¹ С 1820 по 1826 год Баратынский находился на военной службе в Финляндии.

² Фрейшиц (нем. Freischütz) – опера Карла Вебера «Вольный стрелок», ставшая популярной во время написания «Евгения Онегина».

³ «Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну без нарушения женской личности и правдоподобия в слог: от страха сбиться на академическую оду, думал он написать письмо прозой, думал даже написать его по-французски; но наконец счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком» (Кн. П. А. Вяземский).

Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?

И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искушитель:
Мои сомненья разреши.

Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором

Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII.

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка¹ розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...
Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснеет. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро: встали все давно,
Моей Татьяне все равно.

XXXIII.

Она зари не замечает,
Сидит с поникшею главой
И на письмо не напирает
Своей печати вырезной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Уж ей Филиппевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое как маков цвет».

XXXIV.

– Ах! няня, сделай одолженье. –
«Изволь, родная, прикажи».
– Не думай... право... подозренье...
Но видишь... ах! не откажи. –
«Мой друг, вот бог тебе порука».
– Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему,
Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня... –
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова.
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечесть».

XXXV.

– Как недогадлива ты, няня! –
«Сердечный друг, уж я стара,
Стара; тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра,
Бывало, слово барской воли...»
– Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоём уме?
Ты видишь, дело о письме
К Онегину. – «Ну, дело, дело.
Не гневайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что ж ты снова побледнела?»
– Так, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.

XXXVI.

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все нет как нет.
Бледна, как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
«Скажите: где же ваш приятель?
Ему вопрос хозяйки был. –

¹ Облатка – специальный кружок для заклеивания письма.

Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
– Сегодня быть он обещал, –
Старушке Ленский отвечал, –
Да, видно, почта задержала. –
Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

XXXVII.

Смеркалось; на столе блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,

По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла холодные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О да Е*.

XXXVIII.

И между тем душа в ней ныла,
И слез был полон томный взор.
Вдруг топот!.. кровь ее застыла.

Вот ближе! скажут... и на двор
Евгений! «Ах!» – и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины¹, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью

XXXIX.

Упала...

«Здесь он! здесь Евгений!

О боже! что подумал он!»
В ней сердце, полное мучений,
Хранит надежды темный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждет: нейдет ли? Но не слышит.
В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!).

Песня девушек²

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему,
Как заманим молодца,
Как завидим издали,

Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

XL.

Они поют, и, с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит...
Так бедный мотылек и блещет
И бьется радужным крылом,
Пленный школьным шалуном;
Так зайчик в озими трепещет,
Увидя вдруг издалика
В кусты припадного стрелка.

XLI.

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестящая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена,
Остановилась она.
Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

¹ Куртина (устар.) – цветочная грядка.

² В черновой рукописи текст песни был другой; см. Приложение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

La morale est dans la nature des choses.¹
Necker.²

I. II. III. IV. V. VI.³ VII.
Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный

Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян⁴
Хваленых дедовских времян:

¹ Нравственность в природе вещей (фр.).

² Жак Неккер – французский политик и финансист XVIII века.

³ О пропущенных строфах см. в Приложении.

⁴ То же писал Пушкин в числе наставлений своему брату Льву (письмо из Кишинева на фр. яз. 1822): «Замечу, что чем менее любят женщину, тем вернее обладание ею. Но такое наслаждение прилично старой обезьяне 18-го века».

Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

VIII.

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Все те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Так точно думал мой Евгений.
Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.
Привычкой жизни избалован,
Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши
Роптанье вечное души,
Зевоту подавляя смехом:
Вот как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

X.

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,

А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На *вист*¹ вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

XI.

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

XII.

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел
Души доверчивой признанья,
Любви невинной излианья;
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам отплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

¹ *Вист* – карточная игра для четырех человек.

XIII.

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, –
То, верно б, кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блесков мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я, верно б, вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!

XIV.

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостойн я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей¹
И, может быть, на много дней.

XV.

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже,
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу, однако ж, проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,

Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI.

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз молодая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.
Так, видно, небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет».

XVII.

Так проповедовал Евгений.
Сквозь слез не видя ничего,
Едва дыша, без возражений,
Татьяна слушала его.
Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, *машинально*)
Татьяна молча оперлась,
Головкой томною склонясь;
Пошли домой вкруг огорода;
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то.
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.²

¹ Гименей – в древнегреческой мифологии божество брака.

² См. Приложение.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
 Что очень мило поступил
 С печальной Таней наш приятель;
 Не в первый раз он тут явил
 Души прямое благородство,
 Хотя людей недоброхотство¹
 В нем не щадило ничего:
 Враги его, друзья его
 (Что, может быть, одно и то же)
 Его честили так и смя.
 Врагов имеет в мире всяк,
 Но от друзей спаси нас, боже!
 Уж эти мне друзья, друзья!
 Об них недаром вспомнил я.

XIX.

А что? Да так. Я усыпляю
 Пустые, черные мечты;
 Я только в *скобках* замечаю,
 Что нет презренной клеветы,
 На чердаке вралею рожденной
 И светской чернью ободренной,
 Что нет нелепицы такой,
 Ни эпиграммы площадной,
 Которой бы ваш друг с улыбкой,
 В кругу порядочных людей,
 Без всякой злобы и затей,
 Не повторил стократ ошибкой;
 А впрочем, он за вас горой:
 Он вас так любит... как родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородный,
 Здорова ль ваша вся родня?
 Позвольте: может быть, угодно
 Теперь узнать вам от меня,
 Что значит именно *родные*.
 Родные люди вот какие:
 Мы их обязаны ласкать,
 Любить, душевно уважать
 И, по обычаю народа,

О рождестве их навещать,
 Или по почте поздравлять,
 Чтоб остальное время года
 Не думали о нас они...
 Итак, дай бог им долги дни!

XXI.

Зато любовь красавиц нежных
 Надежней дружбы и родства:
 Над нею и средь бурь мятежных
 Вы сохраняете права.
 Конечно так. Но вихорь моды,
 Но своенравие природы,
 Но мненья светского поток...
 А милый пол, как пух, легок.
 К тому ж и мнения супруга
 Для добродетельной жены
 Всегда почтенны быть должны;
 Так ваша верная подруга
 Бывает вмиг увлечена:
 Любовью шутит сатана.

XXII.

Кого ж любить? Кому же верить?
 Кто не изменит нам один?
 Кто все дела, все речи мерит
 Услужливо на наш аршин?
 Кто клеветы про нас не сеет?
 Кто нас заботливо лелеет?
 Кому порок наш не беда?
 Кто не наскучит никогда?
 Призрака суетный искатель,
 Трудов напрасно не губя,
 Любите самого себя,
 Достопочтенный мой читатель!
 Предмет достойный: ничего
 Любезней, верно, нет его.

XXIII.

Что было следствием свиданья?
 Увы, не трудно угадать!
 Любви безумные страданья

¹ Недоброхотство – недоброжелательность.

Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нет, пуще страстью безотрадной
Татьяна бедная горит;
Ее постели сон бежит;
Здоровье, жизни цвет и сладость,
Улыбка, девственный покой,
Пропало все, что звук пустой,
И меркнет милой Тани младость:
Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит.
Качая важно головою,
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей!..¹
Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.

¹ См. Приложение.

Невольно, милые мои,
 Меня стесняет сожаленье;
 Простите мне: я так люблю
 Татьяну милую мою!

XXV.

Час от часу плененный боле
 Красами Ольги молодой,
 Владимир сладостной неволе
 Предался полною душой.
 Он вечно с ней. В ее покое
 Они сидят в потемках вдвое;
 Они в саду, рука с рукой,
 Гуляют утренней порой;
 И что ж? Любовью упоенный,
 В смятенье нежного стыда,
 Он только смеет иногда,
 Улыбкой Ольги ободренный,
 Развитым локоном играть
 Иль край одежды целовать.

XXVI.

Он иногда читает Оле
 Нравоучительный роман,
 В котором автор знает боле
 Природу, чем Шатобриан,¹
 А между тем две, три страницы
 (Пустые бредни, небылицы,
 Опасные для сердца дев)
 Он пропускает покраснев.
 Уединясь от всех далеко,
 Они над шахматной доской,
 На стол облокотясь, порой
 Сидят, задумавшись глубоко,
 И Ленский пешкою ладью
 Берет в рассеянье свою.

XXVII.

Поедет ли домой, и дома
 Он занят Ольгою своей.
 Летучие листки альбома
 Прилежно украшает ей:
 То в них рисует сельски виды,
 Надгробный камень, храм Киприды²,
 Или на лире голубка
 Пером и красками слегка;
 То на листках воспоминанья
 Пониже подписи других
 Он оставляет нежный стих,
 Безмолвный памятник мечтанья,
 Мгновенной думы долгий след,
 Все тот же после многих лет.

XXVIII.

Конечно, вы не раз видали
 Уездной барышни альбом,
 Что все подружки измарали
 С конца, с начала и кругом.
 Сюда, назло правописанью,
 Стихи без меры, по преданью
 В знак дружбы верной внесены,
 Уменьшены, продолжены.
 На первом листике встречаешь
Qu'écrirez-vous sur ces tablettes,
 И подпись: *t. à v. Annette*;³
 А на последнем прочитаешь:
 «Кто любит более тебя,
 Пусть пишет далее меня».

XXIX.

Тут непременно вы найдете
 Два сердца, факел и цветки;
 Тут верно клятвы вы прочтете

¹ Франсуа Рене де Шатобриан – французский литератор первой половины XIX века; в данном случае природа – натура человека.

² Киприда – одно из имен богини любви Афродиты, дано ей по храму на Кипре.

³ Что вы напишете на этих листках? Вся ваша Аннет (фр.).

В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пиит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор
И что потом с улыбкой злою
Не станут важно разбирать,
Остро иль нет я мог соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого¹ кистью чудотворной
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжет вас божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto² подаст,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит

Об Ольге, он про то и пишет:
И, полны истины живой,
Текут элегии³ рекой.
Так ты, Языков⁴ вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь бог ведает кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий,
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать,
И все одно и то же квакать,
Жалеть о *прежнем, о былом*:
Довольно, пойте о другом!»
– Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,⁵
И мыслей мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? – Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...»
– Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не все ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
«*Чужого толка*»⁶ хитрый лирик
Ужели для тебя сносней

¹ Федор Петрович Толстой – талантливый художник, скульптор и иллюстратор XIX века.

² in-quarto (лат.) – «в четверть»; имеется в виду альбом, равный по формату четвертой части целого печатного листа.

³ Элегия – проникнутое грустью лирическое стихотворение.

⁴ Н. М. Языков – поэт и друг Пушкина.

⁵ Труба, личина (маска) и кинжал – символы музыки трагической поэзии.

⁶ «Чужой толк» – сатирическое сочинение И. И. Дмитриева, написанное в 1795 году, в котором он высмеивает сочинителей од.

Унылых наших рифмачей? –
 «Но все в элегии ничтожно;
 Пустая цель ее жалка;
 Меж тем цель оды высока
 И благородна...¹» Тут бы можно
 Пospорить нам, но я молчу:
 Два века ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонник славы и свободы,
 В волнение бурных дум своих,
 Владимир и писал бы оды,²
 Да Ольга не читала их.
 Случалось ли поэтам слезным
 Читать в глаза своим любезным
 Свои творенья? Говорят,

Что в мире выше нет наград.
 И впрям, блажен любовник скромный,
 Читающий мечты свои
 Предмету песен и любви,
 Красавице приятно-томной!
 Блажен... хоть, может быть, она
 Совсем иным развлечена.

XXXV.

Но я плоды моих мечтаний
 И гармонических затей
 Читаю только старой няне,³
 Подруге юности моей,
 Да после скучного обеда
 Ко мне забредшего соседа,
 Поймав неожиданно за полу,

¹ Строфы XXXII и XXXIII представляют возражение статье Кюхельбекера в «Мнемозине» 1824 г. (№ 4): «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», в которой высказано предпочтение одам перед элегией и посланием, как мелкими родами поэзии.

² По настроению своей музы Ленский подходит к идеалу критика «Мнемозины» – Кюхельбекера.

³ Арине Родионовне – няне поэта.

Душу трагедией в углу,¹
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

XXXVI.² XXXVII.

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его всedневные занятия
Я вам подробно опишу.
Онегин жил анахоретом³:
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнaры⁴ подражая,
Сей Геллеспонт⁵ переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...⁶

XXXVIII.⁷ XXXIX.

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый⁸,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,

Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая,
Забыв и город, и друзей,
И скуку праздничных затей.

XL.

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

XLI.

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихой голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит – и путник осторожный

¹ То был близкий друг Пушкина А. Н. Вульф, который вспоминал: «Раз всю ночь как есть напролет просидел я в маленьком доме Пушкина, слушая чтение Бориса Годунова. Не могу передать вам, какое высокое наслаждение испытал я в то время».

² См. Приложение.

³ Анахорет – отшельник, пустынный.

⁴ Гюльнaра – героиня поэмы «Корсар» Байрона.

⁵ Геллеспонт – древнегреческое название пролива, соединяющего Мраморное и Эгейское моря; Байрон в 1810 году его переплыл.

⁶ Окончание в черновой рукописи: «...только вряд // Носили вы такой наряд».

⁷ См. Приложение.

⁸ Ретивый – бойкий, резвый.

Несется в гору во весь дух;
 На утренней заре пастух
 Не гонит уж коров из хлева,
 И в час полуденный в кружок
 Их не зовет его рожок;

Б. Савицкий

В избушке распевая, дева¹
 Прядет, и, зимних друг ночей,
 Трещит лучинка перед ней.

XLII.

И вот уже трещат морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждет уж рифмы розы;
 На, вот возьми ее скорей!)
 Опрятней модного паркета
 Блистает речка, льдом одета.
 Мальчишек радостный народ²
 Коньками звучно режет лед;
 На красных лапках гусь тяжелый,
 Задумав плыть по лону вод,

Ступает бережно на лед,
 Скользит и падает; веселый
 Мелькает, вьется первый снег,
 Звездами падая на брег.

XLIII.

В глуши что делать в эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучает взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхом в степи суровой?
 Но конь, притупленной подковой
 Неверный зацепляя лед,
 Того и жди, что упадет.
 Сиди под кровлею пустынной,

¹ В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы девчонками (Прим. П.).

² «Это значит», замечает один из наших критиков, «что мальчишки катаются на коньках». Справедливо (Прим. П.).

Читай: вот Прадт¹, вот W. Scott².
Не хочешь? – поверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра тож,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямым Онегин Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.³
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт,
Перед камином стол накрыт,
Евгений ждет: вот едет Ленский
На тройке чалых⁴ лошадей:
Давай обедать поскорей!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта⁵
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.

Оно сверкает Ипокреной⁶;
Оно своей игрой и пеной
(Подобием того-сего)
Меня пленяло: за него
Последний бедный лепт⁷, бывало,
Давал я. Помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало,
А сколько шуток и стихов,
И споров, и веселых снов!

XLVI.

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо⁸ благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К Аи⁹ я больше не способен;
Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, Бордо, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ завсегда, везде,
Готов нам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо, наш друг!

¹ Доминик де Прадт – французский публицист, духовник Наполеона, автор многочисленных статей.

² Вальтер Скотт – английский писатель, Пушкин знал его романы по французским переводам.

³ В письме к кн. Вяземскому Пушкин писал: «В IV песне Онегина я изобразил собственную жизнь...». Имеется в виду жизнь в Михайловском.

⁴ Для чалой масти лошади характерна обильная примесь белых волос.

⁵ Вдова Клико и Моэт – марки шампанских вин.

⁶ Ипокрена – в древнегреческой мифологии дарующий поэтический дар источник на горе Геликон.

⁷ Лепта – монета в Древней Греции, в переносном смысле – скромный вклад; вспомните выражение «внести свою лепту».

⁸ Бордо – французское красное вино, названо по городу, где оно производится.

⁹ Аи – сорт шампанского. Пушкин писал в комментариях: «В лета красные мои // Поэтический Аи // Нравился мне пеной шумной, // Сим подобием любви // Или юности безумной, и пр.».

XLVII.

Огонь потух; едва золою
 Подернут уголь золотой;
 Едва заметною струею
 Виется пар, и теплотой
 Камин чуть дышит. Дым из трубок
 В трубу уходит. Светлый кубок
 Еще шипит среди стола.
 Вечерняя находит мгла...
 (Люблю я дружеские враки
 И дружеский бокал вина
 Порою той, что названа
 Пора меж волка и собаки,¹
 А почему, не вижу я.)
 Теперь беседуют друзья:

XLVIII.

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
 Что Ольга резвая твоя?»
 – Налей еще мне полстакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяться велели.
 Ах, милый, как похорошели
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!.. Когда-нибудь
 Заедем к ним; ты их обяжешь;
 А то, мой друг, суди ты сам:
 Два раза заглянул, а там
 Уж к ним и носу не покажешь.
 Да вот... какой же я болван!
 Ты к ним на той неделе зван.

XLIX.

«Я?» – Да, Татьяны именины
 В субботу. Оленька и мать
 Велели звать, и нет причины
 Тебе на зов не приезжать. –
 «Но куча будет там народу
 И всякого такого сброду...»
 – И, никого, уверен я!

Кто будет там? своя семья.
 Поедем, сделай одолженье!
 Ну, что ж? – «Согласен».

– Как ты мил! –

При сих словах он осушил
 Стакан, соседке приношенье,
 Потом разговорился вновь
 Про Ольгу: такова любовь!

L.

Он весел был. Чрез две недели
 Назначен был счастливый срок.
 И тайна брачныя постели,
 И сладостной любви венки
 Его восторгов ожидали.
 Гимена² хлопоты, печали,
 Зевоты хладная чреда
 Ему не снились никогда.
 Меж тем как мы, враги Гимена,
 В домашней жизни зрим один
 Ряд утомительных картин,
 Роман во вкусе Лафонтена³...
 Мой бедный Ленский, сердцем он
 Для оной жизни был рожден.

LI.

Он был любим... по крайней мере
 Так думал он, и был счастлив.
 Стократ блажен, кто предан вере,
 Кто, хладный ум угомонив,
 Покоится в сердечной неге,
 Как пьяный путник на ночлеге,
 Или, нежней, как мотылек,
 В весенний впившийся цветок;
 Но жалок тот, кто все предвидит,
 Чья не кружится голова,
 Кто все движенья, все слова
 В их переводе ненавидит,
 Чье сердце опыт остудил
 И забываться запретил!

¹ Буквальный перевод французского выражения *entre chien et loup*, то есть сумерки.

² Гименей – божество брака в Древней Греции.

³ Август Лафонтен, автор множества семейственных романов (Прим. П.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!
Жуковский

I.

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

II.

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях¹ обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке²
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

¹ Дровни – крестьянские открытые сани для перевозки крупных грузов.

² Облучок – деревянная скрепа верхней части саней.

III.

Но, может быть, такого рода
 Картины вас не привлекут:
 Все это низкая природа;
 Изящного не много тут.
 Согретый вдохновенья богом,
 Другой поэт роскошным слогом
 Живописал нам первый снег
 И все оттенки зимних нег;¹
 Он вас пленит, я в том уверен,
 Рисуя в пламенных стихах
 Прогулки тайные в санях;
 Но я бороться не намерен
 Ни с ним покамест, ни с тобой,
 Певец финляндки молодой!²

IV.

Татьяна (русская душою,
 Сама не зная почему)
 С ее холодною красою
 Любила русскую зиму,
 На солнце иней в день морозный,
 И сани, и зарю поздней
 Сиянье розовых снегов,
 И мглу крещенских вечеров.
 По старине торжествовали
 В их доме эти вечера:
 Служанки со всего двора
 Про барышень своих гадали
 И им сулили каждый год
 Мужьев военных и поход.

V.

Татьяна верила преданьям
 Простонародной старины,
 И снам, и карточным гаданьям,
 И предсказаниям луны.

Ее тревожили приметы;
 Таинственно ей все предметы
 Провозглашали что-нибудь,
 Предчувствия теснили грудь.
 Жеманный кот, на печке сидя,
 Мурлыча, лапкой рыльце мыла:
 То несомненный знак ей был,
 Что едут гости. Вдруг увидя
 Младой двурогий лик луны
 На небе с левой стороны,

VI.

Она дрожала и бледнела.
 Когда ж падающая звезда
 По небу темному летела
 И рассыпалась, – тогда
 В смятенье Таня торопилась,
 Пока звезда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случалось где-нибудь
 Ей встретить черного монаха
 Иль быстрый заяц меж полей
 Перебегал дорогу ей,
 Не зная, что начать со страха,
 Предчувствий горестных полна,
 Ждала несчастья уж она.

VII.

Что ж? Тайну прелесть находила
 И в самом ужасе она:
 Так нас природа сотворила,
 К противуречию склонна.
 Настали святки³. То-то радость!
 Гадает ветренная младость,
 Которой ничего не жаль,
 Перед которой жизни даль
 Лежит светла, необозрима;

¹ Смотри: Первый снег, стихотворение князя Вяземского (Прим. П.).
 См. Приложение.

² См. описания финляндской зимы в «Эде» Баратынского. (Прим. П.).
 См. Приложение.

³ Святки (святое время) – период с Рождества (24 декабря) до Крещения Господня (6 января), в это время в старину девушки гадали на суженого.

*«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!»* Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.¹

IX.

Морозна ночь, все небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платьице выходит,
На месяц зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна

Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

VIII.

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:

¹ *Зовет кот кошурку
В печурку спать.*

Предвещание свадьбы; первая песня предрекает смерть (Прим. П.).

Дрожит печальная луна...
 Чу... снег хрустит... прохожий; дева
 К нему на цыпочках летит,
 И голосок ее звучит
 Нежней свирельного напева:
*Как ваше имя?*¹ Смотрит он
 И отвечает: Агафон.

X.

Татьяна, по совету няни
 Сбираясь ночью воровать,
 Тихонько приказала в бане
 На два прибора стол накрыть;
 Но стало страшно вдруг Татьяне...
 И я – при мысли о Светлане
 Мне стало страшно – так и быть...
 С Татьяной нам не воровать.
 Татьяна поясок шелковый
 Сняла, разделась и в постель
 Легла. Над нею вьется Лель²,
 А под подушкою пуховой
 Девичье зеркало лежит.
 Утихло все. Татьяна спит.

XI.

И снится чудный сон Татьяне.
 Ей снится, будто бы она
 Идет по снеговой поляне,
 Печальной мглой окружена;
 В сугробах снежных перед нею
 Шумит, клубит волной своею
 Кипучий, темный и седой
 Поток, не скованный зимой;
 Две жердочки, склеены льдиной,
 Дрожащий, гибельный мосток,
 Положены через поток;
 И пред шумящею пучиной,
 Недоумения полна,
 Остановилась она.

XII.

Как на досадную разлуку,
 Татьяна ропщет на ручей;
 Не видит никого, кто руку
 С той стороны подал бы ей;
 Но вдруг сугроб зашевелился.
 И кто ж из-под него явился?
 Большой, взъерошенный медведь;³
 Татьяна *ах!* а он реветь,
 И лапу с острыми когтями
 Ей протянул; она скрепясь
 Дрожащей ручкой оперлась
 И боязливыми шагами
 Перебралась через ручей;
 Пошла – и что ж? медведь за ней!

XIII.

Она, взглянуть назад не смея,
 Поспешный ускоряет шаг;
 Но от косматого лакея
 Не может убежать никак;
 Кряхтя, валит медведь несносный;
 Пред ними лес; недвижны сосны
 В своей нахмуренной красе;
 Отягчены их ветви все
 Клоками снега; сквозь вершины
 Осин, берез и лип нагих
 Сияет луч светил ночных;
 Дороги нет; кусты, стремнины
 Метелью все занесены,
 Глубоко в снег погружены.

XIV.

Татьяна в лес; медведь за нею;
 Снег рыхлый по колено ей;
 То длинный сук ее за шею
 Зацепит вдруг, то из ушей
 Златые серьги вырвет силой;
 То в хрупком снеге с ножки милой

¹ Таким образом узнают имя будущего жениха (Прим. П.).

² Лель – славянский бог любви, придуманный писателями XVIII века.

³ Согласно старинным поверьям привидевшийся во сне медведь предвещает замужество или женитьбу.

Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он все вослед,
И сил уже бежать ей нет.

XV.

Упала в снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, недохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогой;
Кругом все глушь; отсюда он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик и шум;
Медведь промолвил: «Здесь мой кум:
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идет
И на порог ее кладет.

XVI.

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,

Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов¹ чопорный и гордый,
Там карла² с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

XVII.

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусяной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!³
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей,
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.

XVIII.

Он знак подаст – и все хлопочут;
Он пьет – все пьют и все кричат;
Он засмеется – все хохочут;
Нахмурит брови – все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И, любопытная, теперь
Немного растворила дверь...
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь свечильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,

¹ Остов – скелет.

² Карла – карлик.

³ В журналах осуждали слова: хлоп, молвь и топ как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (Сказка о Бове Королевиче). Хлоп употребляется в просторечии вместо хлопанье, как шип вместо шипения: Он шип пустил по змеиную. (Древние русские стихотворения.) Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка (Прим. П.).

Из-за стола, гремя, встает;
Все встали: он к дверям идет.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указывает на нее,
И все кричат: мое! мое!

XX.

Мое! – сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает¹
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул,

И дико он очами бродит,
И незваных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI.

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский;² страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к ней,
Авроры³ северной алей
И легче ласточки влетает;
«Ну, говорит, скажи ж ты мне,
Кого ты видела во сне?»

XXII.

Но та, сестры не замечая,
В постеле с книгою лежит,
За листом лист перебирая,
И ничего не говорит.
Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых истин, ни картин,
Но ни Виргилий, ни Расин⁴,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека⁵,
Ни даже Дамских Мод Журнал

¹ Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность (Прим. П.).

² Пушкин подметил свойство чутких натур видеть сновидения, воспроизводящие явления, по характеру своему согласные с ожиданиями, внушаемыми действительностью. Таков здесь вещей сон Татьяны, угадывающий возможность будущей расправы Онегина с Ленским. Ср. сон Григория в келье Чудова монастыря и сон Гринева в «Капитанской дочке» после первого свидания с Пугачевым. Из новейших писателей тоже подмечено Достоевским (сон Раскольникова в «Преступлении и Наказании»).

³ Аврора – в римской мифологии богиня утренней зари.

⁴ Жан Расин – знаменитый французский драматург XVII века.

⁵ Сенека – римский философ и автор трагедий, жил в I в. н.э.

Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека¹,
Глава халдейских мудрецов,²
Гадатель, толкователь снов.

XXIII.

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной «*Мальвиной*»³
Он уступил за три с полтиной,
В придачу взяв еще за них
Собрание басен площадных,
Граматику, две Петриады⁴
Да Мармонтеля⁵ третий том.
Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.

XXIV.

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавленье кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений

Мартын Задека не решит;
Но сон зловещий ей сулит
Печальных много приключений.
Дней несколько она потом
Все беспокоилась о том.

XXV.

Но вот багряною рукою⁶
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.
С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостинной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмокание девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

XXVI.

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,

¹ Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров (Прим. П.).

² Халдеями в древнем мире называли колдунов, магов, волхвов, гадателей и астрологов.

³ Мальвина – роман французской писательницы начала XIX века Мари Коттен.

⁴ Петриада – одна из поэм, восхваляющих деяния Петра I.

⁵ Жан-Франсуа Мармонтель – французский литератор, чьи повести перевел на русский язык Карамзин.

⁶ Пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою

От утренних спокойных вод

Выводит с солнцем за собою, – и проч. (Прим. П.).

Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком¹
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

XXVII.

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне
На голос, знаемый детьми:
Réveillez-vous, belle endormie.²
Меж ветхих песен альманаха
Был напечатан сей куплет;
Трике, догадливый поэт,
Его на свет явил из праха,
И смело вместо belle Nina³
Поставил belle Tatiana⁴.

XXVIII.

И вот из ближнего посада⁵
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел... Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!

Девчонки прыгают заране;⁶
Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против: и, крестьян,
Толпа жужжит, за стол садясь.

XXIX.

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон.
Но вскоре гости понемногу
Подъемают общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.
Вдруг двери настежь. Ленский входит,
И с ним Онегин. «Ах, творец! –
Кричит хозяйка: – наконец!»
Теснятся гости, всяк отводит
Приборы, стулья поскорей;
Зовут, сажают двух друзей.

XXX.

Сажает прямо против Тани,
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей

¹ Буянов, мой сосед,.....

*Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком...*

(*Опасный сосед.*) (Прим. П.). Сатира «Опасный сосед» была написана дядей Пушкина.

² Проснитесь, спящая красotka (фр.).

³ Прекрасная Нина (фр.).

⁴ Прекрасная Татьяна (фр.).

⁵ Посад – пригород.

⁶ Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха (Прим. П.).

Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.

XXXI.

Траги-нервических явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но девы томной
Заметя трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей.

XXXII.

Конечно, не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастью, пересоленный);
Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже¹,
Цимлянское² несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи³, кристалл души моей,

Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал⁴,
Ты, от кого я пьян бывал!

XXXIII.

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встает; пред ним собрание
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел, фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

XXXIV.

Пошли приветы, поздравленья;
Татьяна всех благодарит.
Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость:
Он молча поклонился ей,
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольню ль, иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъясил:
Он сердце Тани оживил.

¹ Блан-манже – десерт из миндального или коровьего молока, сахара, желатина и пряностей.

² Цимлянское – виноградное вино, названное по месту изготовления – донской станции Цимлянской.

³ Зизи – детское и семейное прозвище Евпраксии Николаевны Вульф, псковской дворянки, приятельницы и соседки Пушкина по имению.

⁴ Фиал – чаша, кубок.

XXXV.

Гремят отодвинутые стулья;
 Толпа в гостиную валит:
 Так пчел из лакомого улья
 На ниву шумный рой летит.
 Довольный праздничным обедом,
 Сосед сопит перед соседом;
 Подсели дамы к камельку¹;
 Девыцы шепчут в уголку;
 Столы зеленые² раскрыты:
 Зовут заборных игроков
 Бостон и ломбер стариков,
 И вист³, доныне знаменитый,
 Однообразная семья,
 Все жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Уж восемь робертов⁴ сыграли
 Герои виста; восемь раз
 Они места переменили;
 И чай несут. Люблю я час
 Определять обедом, чаем
 И ужином. Мы время знаем
 В деревне без больших сует:
 Желудок – верный наш брегет;
 И кстати я замечу в скобках,
 Что речь веду в моих строфах
 Я столь же часто о пирах,
 О разных кушаньях и пробках,
 Как ты, божественный Омир⁵,
 Ты, тридцати веков кумир!

XXXVII. XXXVIII.⁶

XXXIX.

Но чай несут; девицы чинно
 Едва за блюдечки взялись,
 Вдруг из-за двери в зале длинной
 Фагот и флейта раздались.
 Обрадован музыки громом,
 Оставя чашку чаю с ромом,
 Парис⁷ окружных городков,
 Подходит к Ольге Петушков,
 К Татьяне Ленский; Харликову,
 Невесту переспелых лет,
 Берет тамбовский мой поэт,
 Умчал Буянов Пустякову,
 И в залу высыпали все.
 И бал блестит во всей красе.

XL.

В начале моего романа
 (Смотрите первую тетрадь)
 Хотелось вроде мне Альбана⁸
 Бал петербургский описать;
 Но, развлечен пустым мечтаньем,
 Я занялся воспоминаньем
 О ножках мне знакомых дам.
 По вашим узеньким следам,
 О ножки, полно заблуждаться!
 С изменой юности моей
 Пора мне сделаться умней,
 В делах и в слоге поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 От отступлений очищать.

¹ Камелек – разновидность камина.

² Столики для карточных игр обтягивали зеленым сукном, на котором делали записи мелом.

³ Бостон, ломбер, вист – старинные карточные игры.

⁴ Роббер в висте – название трех партий, составляющих один круг игры.

⁵ Омир – легендарный древнегреческий поэт-сказитель Гомер.

⁶ Эти строфы были помещены в издании 1828 года; см. Приложение.

⁷ Парис в древнегреческом эпосе – виновник Троянской войны; красавец, похитивший жену спартанского царя Менелая.

⁸ Франческо Альбани – итальянский живописец XVII века, известный своими картинами на мифологические сюжеты.

XLI.

Однообразный и безумный,
 Как вихорь жизни молодой,
 Кружится вальса вихорь шумный;
 Чета мелькает за четой.
 К минуте мщенья приближаясь,
 Онегин, втайне усмехаясь,
 Подходит к Ольге. Быстро с ней
 Вертится около гостей,
 Потом на стул ее сажает,
 Заводит речь о том, о сем;
 Спустя минуты две потом
 Вновь с нею вальс он продолжает;
 Все в изумленье. Ленский сам
 Не верит собственным глазам.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
 Когда гремел мазурки гром,
 В огромной зале все дрожало,
 Паркет трещал под каблуком,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не то: и мы, как дамы,
 Скользим по лаковым доскам.
 Но в городах, по деревням
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальные красы:
 Припрыжки, каблуки, усы
 Все те же: их не изменила
 Лихая мода, наш тиран,
 Недуг новейших россиян.

XLIII.¹ XLIV.

Буянов, братец мой задорный,
 К герою нашему подвел
 Татьяну с Ольгою: проворно
 Онегин с Ольгою пошел;
 Ведет ее, скользя небрежно,
 И, наклонясь, ей шепчет нежно
 Какой-то пошлый мадригал,
 И руку жмет – и запыхал
 В ее лице самолюбивом
 Румянец ярче. Ленский мой
 Все видел: вспыхнул, сам не свой;
 В негодовании ревнивом
 Поэт конца мазурки ждет
 И в котильон² ее зовет.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
 Да Ольга слово уж дала
 Онегину. О боже, боже!
 Что слышит он? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
 Кокетка, ветреный ребенок!
 Уж хитрость ведает она,
 Уж изменять научена!
 Не в силах Ленский снести удара;
 Проказы женские кляня,
 Выходит, требует коня
 И скачет. Пистолетов пара,
 Две пули – больше ничего –
 Вдруг разрешат судьбу его.

¹ Неполная строфа XLIII была опубликована в издании 1828 года. См. Приложение.

² Котильон – бальный танец французского происхождения; «приглашение на котильон» считалось неформальным знаком окончательного выбора кавалером своей дамы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

La sotto i giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

*Petr.*¹

I.

Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил, как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II.

Все успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
С своей тяжелой половиной.
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,²
На стульях улеглись в столовой,
А на полу мосье Трике,
В фуфайке, в старом колпаке.
Девушки в комнатах Татьяны
И Ольги все объаты сном.
Одна, печальна под окном
Озарена лучом Дианы,³

Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

III.

Его неожиданным появлением,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведением
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто холодная рука
Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит...
«Погибну, – Таня говорит, –
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать».

IV.

Вперед, вперед, моя история!
Лицо нас новое зовет.
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живет
И здравствует еще донине
В философической пустыне
Зарецкий⁴, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун⁵ трактирный,

¹ Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно.
Петрарка (ит.).

² Слишком много выпитый.

³ Имеется в виду Луна.

⁴ Есть мнение, что прототипом Зарецкого был гвардейский офицер, кутила и дуэлянт Федор Иванович Толстой.

⁵ Трибун – в Древнем Риме должностное лицо, в данном контексте – предводитель гуляк.

Теперь же добрый и простой
 Отец семейства холостой,¹
 Надежный друг, помещик мирный
 И даже честный человек:
 Так исправляется наш век!

V.

Бывало, льстивый голос света
 В нем злую храбрость выхвалял:
 Он, правда, в туз из пистолета
 В пяти саженях попадал,²
 И то сказать, что и в сраженье
 Раз в настоящем упоенье
 Он отличился, смело в грязь
 С коня калмыцкого свалясь,
 Как зюзя пьяный, и французам
 Достался в плен: драгой залог!
 Новейший Регул³, чести бог,
 Готовый вновь предаться узам,
 Чтоб каждым утром у Веры⁴
 В долг осушать бутылки три.

VI.

Бывало, он трунил забавно,
 Умел морочить дурака
 И умного дурачить славно,
 Иль явно, иль исподтишка,
 Хоть и ему иные штуки
 Не проходили без науки,
 Хоть иногда и сам впросак
 Он попадался, как простак.
 Умел он весело поспорить,
 Остро и тупо отвечать,
 Порой расчетливо смолчать,
 Порой расчетливо повздорить,

Друзей поссорить молодых
 И на барьер поставить их,

VII.

Иль помириться их заставить,
 Дабы позавтракать втроем,
 И после тайно обесславить
 Веселой шуткою, враньем.
 Sed alia tempora!⁵ Удалость
 (Как сон любви, другая шалость)
 Проходит с юностью живой.
 Как я сказал, Зарецкий мой,
 Под сень черемух и акаций
 От бурь укрывшись наконец,
 Живет, как истинный мудрец,
 Капусту сажит, как Гораций⁶,
 Разводит уток и гусей
 И учит азбуке детей.

VIII.

Он был не глуп; и мой Евгений,
 Не уважая сердца в нем,
 Любил и дух его суждений,
 И здравый толк о том о сем.
 Он с удовольствием, бывало,
 Видался с ним, и так нimalo
 Поутру не был удивлен,
 Когда его увидел он.
 Тот после первого привета,
 Прервав начатый разговор,
 Онегину, ослабя взор,
 Вручил записку от поэта.
 К окну Онегин подошел
 И про себя ее прочел.

¹ То есть отец внебрачных детей, владелец крепостного гарема.

² То есть приблизительно с десяти метров; сажень равна 2,16 м.

³ Регул – древнеримский полководец, взятый в плен карфагенянами, был отпущен ими под честное слово в Рим для переговоров и после вернулся к врагам, где его ожидала верная гибель.

⁴ Парижский ресторатор (Прим. П.).

⁵ Но времена иные (лат.).

⁶ Гораций – знаменитый поэт Древнего Рима I в. до н.э. Получив от покровителя искусств Гая Мецената в подарок имение, воспевал простоту сельской жизни.

IX.

То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль *картель*¹:
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотясь, без лишних слов
Сказал, что он *всегда готов*.
Зарецкий встал без объяснений;
Остаться доле не хотел,
Имея дома много дел,
И тотчас вышел; но Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

X.

И поделом: в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечор небрежно.
А во-вторых: пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений²,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

XI.

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце. «Но теперь

Уж поздно; время улетело...
К тому ж – он мыслит – в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...»
И вот общественное мнение!³
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

XII.

Кипя враждой нетерпеливой,
Ответа дома ждет поэт;
И вот сосед велеречивый⁴
Привез торжественно ответ.
Теперь ревниву то-то праздник!
Он все боялся, чтоб проказник
Не отшутился как-нибудь,
Уловку выдумав и грудь
Отворотив от пистолета.
Теперь сомненья решены:
Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок.

XIII.

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок –
И очутился у соседа.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,

¹ *Картель* (от фр. *carte* – исписанная бумага) – письменный вызов на дуэль.

² *Предрассуждений* – предрассудков.

³ Стих Грибоедова (Прим. П.). Поэт имеет в виду сатирические слова Чацкого в «Горе от ума»: «Поверили глупцы, другим передают, // Старухи вмиг тревогу бьют // – И вот общественное мнение!».

⁴ *Велеречивый* – говорящий торжественно, выпендренно, высокопарно.

На встречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобна ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

XIV.

«Зачем вечер так рано скрылись?»
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском помутились,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностью взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой!..
Он смотрит в сладком умиленье;
Он видит: он еще любим;
Уж он, раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров...

XV. XVI.¹ XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Пред милой Ольгой своей,
Владимир не имеет силы
Вчерашний день напомнить ей;
Он мыслит: «Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок²
Увял еще полураскрытый».
Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.

¹ Содержание пропущенных строф XV и XVI см. в Приложении.

² Двухутренний – цветущий всего два утра.

XVIII.

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечер Ленский был рассеян,
То молчалив, то весел вновь;
Но тот, кто музою взлелеян,
Всегда таков: нахмуря бровь,
Садился он за клавикорды¹
И брал на них одни аккорды,
То, к Ольге взоры устремив,
Шептал: не правда ль? я счастлив.
Но поздно; время ехать. Сжалось
В нем сердце, полное тоской;
Прощаясь с девой молодой,
Оно как будто разрывалось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» – Так. – И на крыльцо.

XX.

Домой приехав, пистолеты
Он осматрел, потом вложил
Опять их в ящик и, раздетый,
При свечке, Шиллера открыл;
Но мысль одна его объемлет;
В нем сердце грустное не дремлет:
С неизъяснимою красой

Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг² пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Все благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

XXII.

Блеснет завтра луч денницы³
И заиграет яркий день;
А я, быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня; но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг!...»

¹ Клавикорды – старинный клавишный инструмент, прототип пианино.

² Антон Дельвиг – поэт, лицейский друг Пушкина.

³ Денница (устар.) – утренняя заря.

XXIII.

Так он писал *темно и вяло*
 (Что романтизмом мы зовем,
 Хоть романтизма тут нimalo
 Не вижу я; да что нам в том?)
 И наконец перед зарею,
 Склонясь усталой головою,
 На модном слове *идеал*
 Тихонько Ленский задремал;
 Но только сонным обаяньем
 Он позабылся, уж сосед
 В безмолвный входит кабинет
 И будит Ленского воззвaньем:
 «Пора вставать: седьмой уж час.
 Онегин верно ждет уж нас».

XXIV.

Но ошибался он: Евгений
 Спал в это время мертвым сном.
 Уже редют ночи тени
 И встречен Веспер¹ петухом;
 Онегин спит себе глубоко.
 Уж солнце катится высоко,
 И перелетная метель
 Бластит и вьется; но постель
 Еще Евгений не покинул,
 Еще над ним летает сон.
 Вот наконец проснулся он
 И полы завеса раздвинул;
 Глядит – и видит, что пора
 Давно уж ехать со двора.

XXV.

Он поскорей звонит. Вбегает
 К нему слуга француз Гильо,
 Халат и туфли предлагает
 И подает ему белье.
 Спешит Онегин одеваться,
 Слуге велит приготавливаться
 С ним вместе ехать и с собой

Взять также ящик боевой.
 Готовы санки беговые.
 Он сел, на мельницу летит.
 Примчались. Он слуге велит
*Лепажа*² стволы роковые
 Нести за ним, а лошадям
 Отъехать в поле к двум дубкам.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленский
 Давно нетерпеливо ждал;
 Меж тем, механик деревенский,
 Зарецкий жернов осуждал.
 Идет Онегин с извиненьем.
 «Но где же, – молвил с изумленьем
 Зарецкий, – где ваш секундант?»
 В дуэлях классик и педант,
 Любил методу он из чувства,
 И человека растянуть
 Он позволял не как-нибудь,
 Но в строгих правилах искусства,
 По всем преданьям старины
 (Что похвалить мы в нем должны).

XXVII.

«Мой секундант? – сказал Евгений, –
 Вот он: мой друг, *monsieur Guillot*.
 Я не предвижу возражений
 На представление мое:
 Хотя человек он неизвестный,
 Но уж конечно малый честный».
 Зарецкий губу закусил.
 Онегин Ленского спросил:
 «Что ж, начинать?» – Начнем,
 пожалуй, –
 Сказал Владимир. И пошли
 За мельницу. Пока вдали
 Зарецкий наш и *честный малый*
 Вступили в важный договор,
 Враги стоят, потупя взор.

¹ Веспер – иное название утренней звезды Венеры.

² Славный ружейный мастер (Прим. П.). Во времена Пушкина пистолеты этой марки считались лучшим дуэльным оружием.

XXVIII.

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно? Ныне злобно,
Врагам наследственным подобно,
Как в страшном, непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокровно...
Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтись ль полюбовно?..
Но дико светская вражда
Бои́тся ложного стыда.

XXIX.

Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток.¹
В граненый ствол уходят пули,
И щелкнул в первый раз курок.
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремнь
Взведен еще. За ближний пенъ
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.

XXX.

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,

Не преста́вая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить – но как раз
Онегин выстрелил... Проби́ли
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,

XXXI.

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохла́ буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

XXXII.

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навyleт ранен;
Дымясь из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь, –
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окны мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.

¹ *Лепажевские пистолеты заряжались с дула. Пули в их стволы вбивались с помощью шомпола и молотка.*

XXXIII.

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завост сдуру: это я!
Еще приятнее в молчанье
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб
На благородном расстоянии;
Но отослать его к отцам
Едва ль приятно будет вам.

XXXIV.

Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой,
Нескромным взглядом, иль ответом,
Или безделицей иной
Вас оскорбивший за бутылкой,
Иль даже сам в досаде пылкой
Вас гордо вызвавший на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?

XXXV.

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.

«Ну, что ж? убит», – решил сосед.
Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.
Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он страшный клад.
Почуя мертвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела.

XXXVI.

Друзья мои, вам жаль поэта:
Во цвете радостных надежд,
Их не свершив еще для света,
Чуть из младенческих одежд,
Увял! Где жаркое волненье,
Где благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых?
Где бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И страх порока и стыда,
И вы, заветные мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой!

XXXVII.

Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильною чертою
К ней не домчится гимн времен,
Благословение племен.

XXXVIII. XXXIX.

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и врачей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!
Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

XLI.

Под ним (как начинает капать
Весенний дождь на злак полей)
Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбаков;
И горожанка молодая,
В деревне лето провожая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ремянный повод натянув,

И, флер¹ от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись – и слеза
Туманит нежные глаза.

XLII.

И шагом едет в чистом поле,
В мечтанья погрузясь, она;
Душа в ней долго поневоле
Судьбою Ленского полна;
И мыслит: «Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?
И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?»
Со временем отчет я вам
Подробно обо всем отдам,

XLIII.

Но не теперь. Хотя я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.
Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я – со вздохом признаюсь –
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, холодные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

XLIV.

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.

Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, *младость*?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И сй ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

XLV.

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!²

¹ Флер – тонкая ткань, кисея.

² Об иной концовке главы см. Приложение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Дмитриев

Как не любить родной Москвы?
Баратынский

Гоненье на Москву! что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Где нас нет.
Грибоедов

I.

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синяя блещут небеса.

Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.¹
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

¹ Келья — комната монаха в монастыре; восковая келья — ячейка сот.

II.¹

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блесит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли к нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

IV.

Вот время: добрые ленивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,²

Вы, равнодушные счастливыцы,
Вы, школы Левшина³ птенцы,
Вы, деревенские Приамы⁴,
И вы, чувствительные дамы,
Весна в деревню вас зовет,
Пора тепла, цветов, работ,
Пора гуляний вдохновенных
И соблазнительных ночей.
В поля, друзья! скорей, скорей,
В каретах тяжко нагруженных,
На долгих⁵ иль на почтовых
Тянитесь из застав градских.

V.

И вы, читатель благосклонный,
В своей коляске выписной⁶
Оставьте град неугомонный,
Где веселились вы зимой;
С моею музой своенравной
Пойдемте слушать шум дубравный
Над безыменною рекой
В деревне, где Евгений мой,
Отшельник праздный и унылый,
Еще недавно жил зимой
В соседстве Тани молодой,
Моей мечтательницы милой,
Но где его теперь уж нет...
Где грустный он оставил след.

VI.

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдем туда, где ручеек,
Виясь, бежит зеленым лугом
К реке сквозь липовый лесок.
Там соловей, весны любовник,

¹ В черновых рукописях сохранился набросок о весне, см Приложение.

² Эпикур – древнегреческий философ III в до н.э., считавший высшим благом наслаждение жизнью.

³ Левшин, автор многих сочинений по части хозяйственной (Прим. П.).

⁴ Приам – легендарный царь Трои.

⁵ Долгими называли собственных лошадей; им было необходимо давать отдых на станциях, и это увеличивало время пути.

⁶ Выписной – выписанной из-за границы, импортной.

Всю ночь поет; цветет шиповник,
И слышен говор ключевой, –
Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых.
Пришельцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!»

VII.

На ветви сосны преклоненной,
Бывало, ранний ветерок
Над этой урною смиренной
Качал таинственный венок.
Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обнявшись, плакали оне.
Но ныне... памятник унылый
Забыт. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один, под ним, седой и хилый
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет.

VIII. IX.¹ X.

Мой бедный Ленский! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печали неверна.
Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан² умел ее пленить,
Улан любим ее душою...
И вот уж с ним пред алтарем
Она стыдливо под венцом
Стоит с поникшей головою,

С огнем в потупленных очах,
С улыбкой легкой на устах.

XI.

Мой бедный Ленский! за могилой
В пределах вечности глухой
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой,
Или над Летой усыпленный
Поэт, бесчувствием блаженный,
Уж не смущается ничем,
И мир ему закрыт и нем?..
Так! равнодушное забвенье
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именье
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

XII.

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суеилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед...
И вот одна, одна Татьяна!

¹ В черновых рукописях сохранился набросок из опущенных строк об измене Ольги пав-
мату Ленского; см. Приложение.

² Улан – кавалерист уланского полка.

Увы! подруга стольких лет,
 Ее голубка молодая,
 Ее наперсница родная,
 Судьбою вдаль занесена,
 С ней навсегда разлучена.
 Как тень она без цели бродит,
 То смотрит в опустелый сад...
 Нигде, ни в чем ей нет отрад,
 И облегченья не находит
 Она подавленным слезам –
 И сердце рвется пополам.

XIV.

И в одиночестве жестоком
 Сильнее страсть ее горит,
 И об Онегине далеком
 Ей сердце громче говорит.

Она его не будет видеть;
 Она должна в нем ненавидеть
 Убийцу брата своего;
 Поэт погиб... но уж его
 Никто не помнит, уж другому
 Его невеста отдалась.
 Поэта память пронеслась
 Как дым по небу голубому,
 О нем два сердца, может быть,
 Еще грустят... На что грустить?..

XV.

Был вечер. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жук жужжал.
 Уж расходились хороводы;
 Уж за рекой, дымясь, пылал
 Огонь рыбацкий. В поле чистом,

Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рошу под холмом
И сад над светлою рекою.
Она глядит – и сердце в ней
Забилось чаще и сильнее.

XVI.

Ее сомнения смущают:
«Пойду ль вперед, пойду ль назад?..
Его здесь нет. Меня не знают...
Взгляну на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обводит
Недоуменья полный взор...
И входит на пустынный двор.
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой покров.

XVII.

«Увидеть барский дом нельзя ли?» –
Спросила Таня. Поскорей
К Анисье дети побежали
У ней ключи взять от сеней;
Анисья тотчас к ней явилась,
И дверь пред ними отворилась,
И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе¹ лежал
Манежный² хлыстик. Таня дале;

Старушка ей: «а вот камин;
Здесь барин сживал один.

XVIII.

Здесь с ним обедал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.
Сюда пожалуйста, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофей кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку по утру читал...
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки.
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой!»

XIX.

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на все глядит,
И все ей кажется бесценным,
Все душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.³

XX.

Татьяна долго в келье модной
Как очарована стоит.
Но поздно. Ветер встал холодный.

¹ Канапе – небольшой диван.

² Манеж – здание для выездки лошадей.

³ Речь идет о статуэтке Наполеона.

Темно в долине. Роща спит
Над отуманенной рекою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримке¹ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрыв свое волнение,
Не без того, чтоб не вздохнуть,
Пускается в обратный путь.
Но прежде просит позволения
Пустынный замок навещать,
Чтоб книжки здесь одной читать.

XXI.

Татьяна с ключницей простилась
За воротами. Через день
Уж утром рано вновь явилась
Она в оставленную сень.
И в молчаливом кабинете,
Забыв на время все на свете,
Осталась наконец одна,
И долго плакала она.
Потом за книги принялась.
Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей странен. Чтенью предалась
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

XXII.

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтение разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана²
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно

С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

XXIII.

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живеи.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXIV.

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее – слава богу –
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,³
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

¹ Пилигрим – странник, паломник.

² «Гяур» и «Дон-Жуан» – произведения Байрона.

³ Многие московские дворяне в пушкинское время были увлечены образом Чайльд-Гарольда.

XXV.

Ужель загадку разрешила?
 Ужели *слово* найдено?
 Часы бегут; она забыла,
 Что дома ждут ее давно,
 Где собралися два соседа
 И где об ней идет беседа.
 – Как быть? Татьяна не дитя, –
 Старушка молвила кряхтя. –
 Ведь Оленька ее моложе.
 Пристроить девушку, ей-сй,
 Пора; а что мне делать с ней?
 Всем наотрез одно и то же:
 Нейду. И все грустит она,
 Да бродит по лесам одна.

XXVI.

«Не влюблена ль она?» – В кого же?
 Буянов сватался: отказ.
 Ивану Петушкову – тоже.
 Гусар Пыхтин гостил у нас;
 Уж как он Танею прельщался,
 Как мелким бесом рассыпался!
 Я думала: пойдет авось;
 Куда! и снова дело врозь. –
 «Что ж, матушка? за чем же стало?
 В Москву, на ярманку невест!¹
 Там, слышно, много праздных мест».²
 – Ох, мой отец! доходу мало. –
 «Довольно для одной зимы,
 Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совет разумный и благой;
 Сочлась – и тут же положила
 В Москву отправиться зимой.
 И Таня слышит новость эту.

На суд взыскательному свету
 Представить ясные черты
 Провинциальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый склад речей;
 Московских франтов и цирцей³
 Привлечь насмешливые взгляды!..
 О страх! нет, лучше и верней
 В глуши лесов остаться ей.

XXVIII.

Вставая с первыми лучами,
 Теперь она в поля спешит
 И, умиленными очами
 Их озирая, говорит:
 «Простите, мирные долины,
 И вы, знакомых гор вершины,
 И вы, знакомые леса;
 Прости, небесная краса,
 Прости, веселая природа;
 Меняю милый, тихий свет
 На шум блистательных сует...
 Прости ж и ты, моя свобода!
 Куда, зачем стремлюся я?
 Что мне сулит судьба моя?»

XXIX.

Ее прогулки длятся доле.
 Теперь то холмик, то ручей
 Остановляют поневоле
 Татьяну прелестью своей.
 Она, как с давними друзьями,
 С своими рощами, лугами
 Еще беседовать спешит.
 Но лето быстрое летит.
 Настала осень золотая.
 Природа трепетна, бледна,
 Как жертва, пышно убрана...

¹ В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин заметил: «Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками».

² Праздных в данном случае – вакантных, свободных.

³ Цирцея – волшебница в «Одиссее» Гомера.

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идет волшебница зима.

XXX.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI.

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы ет setera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать кляч,

XXXII.

В возок боярский¹ их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор² бородатый,
Сбежалась челядь³ у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.
«Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас?...» И слез ручей
У Тани льется из очей.

XXXIII.

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,⁴
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

XXXIV.

Теперь у нас дороги плохи,⁵
Мосты забытые гниют,

¹ Боярский возок – каретный кузов на санях.

² Фореитор – слуга, сидящий на передней лошади запряжки.

³ Челядь – дворовые слуги.

⁴ Имеются в виду французские сравнительные статистические таблицы начала XIX века, демонстрирующие динамику развития европейских стран.

⁵ См. Приложение.

На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы¹
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,²
Благословляя колес
И рвы отеческой земли.

XXXV.

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны³ наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают, как забор.⁴
К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладились
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

XXXVI.

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы

Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII.

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок.⁵ Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

XXXVIII.

Прощай, свидетель падшей славы,⁶
Петровский замок. Ну! не стой,

¹ Циклопы – в древнегреческой мифологии одноглазые великаны кузнецы, помощники бога Гефеста.

² То есть ремонтируют заграничные повозки.

³ Автомедон – ловкий возница Ахилла, героя Троянской войны.

⁴ Сравнение, заимствованное у К**, столь известного изгивостию воображения. К... рассказывал, что будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частотоку (Прим. П.).

⁵ Выстроенный в неоготическом стиле и расположенный на Петербургском тракте Петровский путевой дворец.

⁶ После пожара Москвы Наполеон перенес свою резиденцию в Петровский дворец.

Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,

Бухарцы¹, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

XXXIX. XL.

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья² в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настежь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простертой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

– Княжна, mon ange!³ – «Pachette!⁴»
– Алина! –
«Кто б мог подумать? Как давно!
Надолго ль? Милая! Кузина!
Садись – как это мудроно!
Ей богу, сцена из романа...»
– А это дочь моя, Татьяна. –
«Ах, Таня! подойди ко мне –
Как будто брежу я во сне...
Кузина, помнишь Грандисона?»
– Как, Грандисон?... а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он? –
«В Москве, живет у Симеона;⁵

¹ Бухарцами называли в Москве всех восточных купцов.

² Харитоньевский переулоч на Мясницкой улице.

³ Мой ангел (фр.).

⁴ Пашенька (фр.).

⁵ Возле церкви Симеона Столпника; вероятно, на Поварской улице.

Меня в сочельник¹ навестил;
Недавно сына он женил.

XLII.

А тот... но после все расскажем,
Не правда ль? Всей ее родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, развезжать нет мочи мне;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены с дороги;
Пойдемте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...»
И тут, совсем утомлена,
В слезах раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогают; но ей
Не хорошо на новоселье,
Привыкшей к горнице своей.
Под занавескою шелковой
Не спится ей в постеле новой,
И ранний звон колоколов,
Предтеча² утренних трудов,
Ее с постели подымает.
Садится Таня у окна.
Редает сумрак; но она
Своих полей не различает:
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.

XLIV.

И вот: по родственным обедам
Развозят Таню каждый день
Представить бабушкам и дедам
Ее рассеянную лень.
Родне, прибывшей издалеча,

Повсюду ласковая встреча,
И восклицанья, и хлеб-соль.
«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!
А я так за уши драла!
А я так пряником кормила!»
И хором бабушки твердят:
«Как наши годы-то летят!»

¹ Сочельник – день накануне Рождества или Крещения.

² Предтеча – предвестник.

XLV.

Но в них не видно перемены;
Все в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, все клуба член исправный,¹
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух.

XLVI.

Их дочери Таню обнимают.
Младые грации Москвы
Сначала молча озирают
Татьяну с ног до головы;
Ее находят что-то странной,
Провинциальной и жеманной,
И что-то бледной и худой,
А впрочем очень недурной;
Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, нежно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде,
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев,

XLVII.

Чужие и свои победы,
Надежды, шалости, мечты.
Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.
Потом, в отплату лепетанья,

Ее сердечного признанья
Умильно требуют оне.
Но Таня, точно как во сне,
Их речи слышит без участия,
Не понимает ничего,
И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья,
Хранит безмолвно между тем
И им не делится ни с кем.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно;
В бесплодной сухости речей,
Расспросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум;
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

XLIX.

Архивны юноши² толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.
Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей.
У скучной тетки Таню встрета,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.

¹ Имеется в виду Английский клуб в Москве.

² Архивные юноши – служащие Московского архива коллегии иностранных дел. Писатель и журналист Ф. Булгарин отмечал, что это «Чиновники, неслужащие в службе ... матушкины сынки... женихи всех невест, влюбленные во всех женищин, у которых только нос не на затылке...».

И, близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

L.

Но там, где Мельпомены¹ бурной
Протяжный раздастся вой,
Где машет мантией мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия² тихонько дремлет
И плескам дружеским не внимлет,
Где Терпсихоре³ лишь одной
Дивится зритель молодой

(Что было также в прежни леты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки⁴ модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

LI.

Ее привозят и в Собранье.⁵
Там теснота, волненье, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,

¹ Мельпомена – древнегреческая богиня трагедии.

² Пушкин называет древнегреческую музу комедии дремлющей, подчеркивая застой в этой области театрального искусства.

³ Терпсихора – древнегреческая муза танцев.

⁴ Подзорные трубки, которыми пользовались в театрах до распространения биноклей.

⁵ Дворянское или Благородное собрание – орган дворянского самоуправления.

Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Все чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.

ЛII.

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величава луна,
Средь жен и дев блеснит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатил безумству дань.

ЛIII.

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс... Меж тем,
Между двух теток у колонны,
Не замечается никем,
Татьяна смотрит и не видит,
Волнение света ненавидит;
Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,

Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам
И в сумрак липовых аллей,
Туда, где *он* являлся ей.

LIV.

Так мысль ее далеке бродит:
Забыт и свет и шумный бал,
А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.
Друг другу тетушки мигнули
И локтем Таню враз толкнули,
И каждая шепнула ей:
– Взгляни налево поскорей. –
«Налево? где? что там такое?»
– Ну, что бы ни было, гляди...
В той кучке, видишь? впереди,
Там, где еще в мундирах двое...
Вот отошел... вот боком стал... –
«Кто? толстый этот генерал?»

LV.

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою...
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля молодого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Byron.¹

I.

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея²,
А Цицерона³ не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.⁴

II.

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя, благословил.⁵

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

III.

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка⁶ резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

IV.

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой⁷, при луне,

¹ Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай. Байрон (англ.).

² Апулей – римский писатель II в. до н.э., автор романа «Золотой осел», знаменитого своими фривольными сценами.

³ Цицерон – известный древнеримский оратор и политик I в. до н.э.

⁴ В рукописях сохранились иные варианты начала восьмой главы; см. Приложение.

⁵ Г.Р. Державин, снискавший к началу XIX века славу главы русской поэзии, слушал на лицейском экзамене в 1815 году стихи молодого Пушкин и был ими весьма впечатлен.

⁶ Вакханка – спутница бога вина и веселья Вакха.

⁷ Ленора – героиня одноименной баллады немецкого поэта XIX века Готфрида Бюргера, известной в вольном переводе В.А. Жуковского как «Светлана».

Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды¹
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,²
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

V.

И, позабыв столицы дальней
И блеск и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала,
И между ими одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи, ей любезной...
Вдруг изменилось все кругом,
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

VI.

И ныне музу я впервые
На светский раут³ привожу;
На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит,
Любуясь шумной теснотою,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей

Перед хозяйкой молодою
И темной рамою мужчин
Вкруг дам как около картин.

VII.

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.
Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним
Как ряд докучных привидений.
Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице? Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он?.. Так, точно он.
— Давно ли к нам он занесен?

VIII.

Все тот же ль он иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите: чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом⁴,
Космополитом⁵, патриотом,
Гарольдом, квакером⁶, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалой.
Довольно он морочил свет...
— Знаком он вам? — И да и нет.

¹ Таврида – одно из исторических названий Крыма.

² Нереиды в древнегреческой мифологии – дочери морского царя Нерее; в данном случае Нереида олицетворяет море.

³ Rout, вечернее собрание без танцев, собственно значит толпа (Прим. П.).

⁴ См. примечание 2 на стр. 35

⁵ Космополит – в буквальном переводе с греческого «человек мира», то есть считающий своей родиной весь мир.

⁶ Квакер – член английской христианской организации, возникшей в середине XVII века.

IX.

– Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылих душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

X.

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был фант иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,

Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

XII.

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже демоном¹ моим.
Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII.

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как все на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий², с корабля на бал.

¹ Стихотворение «Демон» Пушкин написал в 1823 году.

² Чацкий – главный герой комедии Грибоедова «Горе от ума».

XIV.

Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
*Du comme il faut*¹ (Шишков², прости:
Не знаю, как перевести.)

XV.

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девыцы проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.
Никто б не мог ее прекрасной
Назвать: но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*³. (Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)

Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою⁴,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красую
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

XVII.

«Ужели, – думает Евгений: –
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных селений...»
И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
– Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представляю я. –
«Да кто ж она?» – Жена моя. –

XVIII.

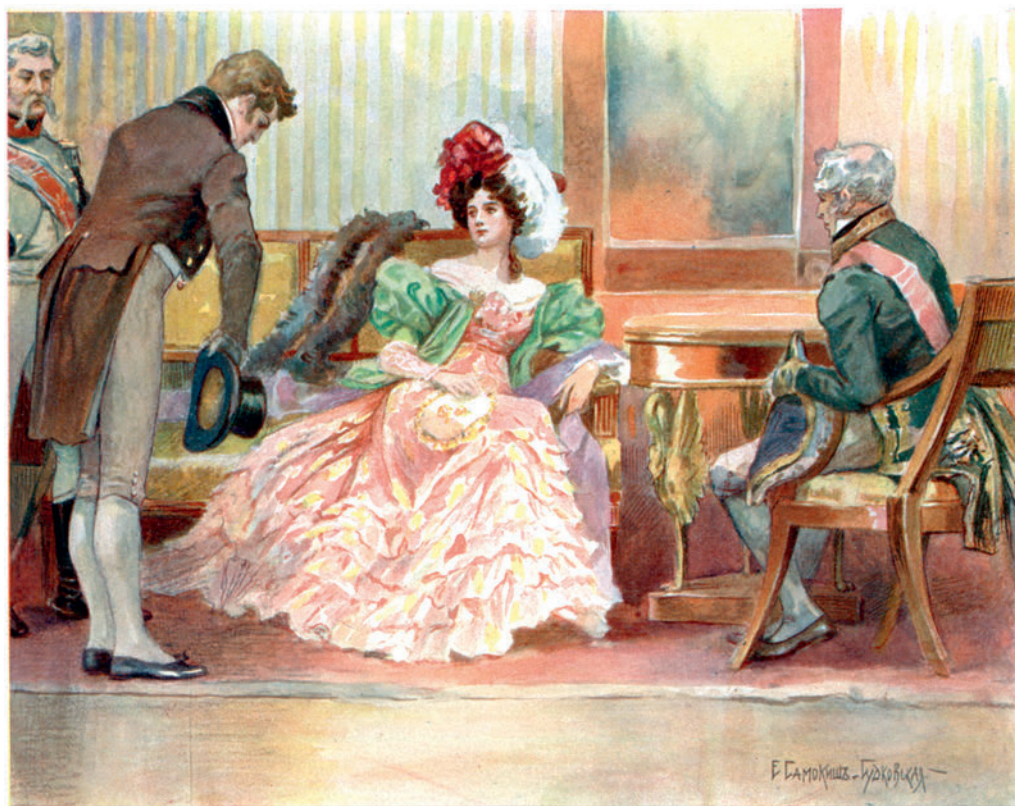
«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» – Около двух лет. –
«На ком?» – На Лариной. –
«Татьяне!»
– Ты ей знаком? – «Я им сосед».
– О, так пойдем же. – Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она

¹ Как должно (фр.).

² А. С. Шишков – президент Российской академии, был противником введения иностранных слов в русский лексикон.

³ Вульгарный, безвкусный (англ).

⁴ Вопрос о прототипе Нины Воронской вызывает споры, по распространенной версии это экстравагантная красавица А. Ф. Закревская. См. Приложение.

Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.

XIX.

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не жала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И – и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супругу обратила
Усталый взгляд; скользнула вон...
И недвижим остался он.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоученья
Читал когда-то наставленья,
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где все наруже, все на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

XXI.

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной

Его встревожен поздний сон.
 Проснулся он; ему приносят
 Письмо: князь N покорно просит
 Его на вечер. «Боже! к ней!..
 О, буду, буду!» и скорей
 Марает он ответ учтивый.
 Что с ним? в каком он странном сне!
 Что шевельнулось в глубине
 Души холодной и ленивой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности – любовь?

XXII.

Онегин вновь часы считает,
 Вновь не дождется дня конца.
 Но десять бьет; он выезжает,
 Он полетел, он у крыльца,
 Он с трепетом к княгине входит;
 Татьяну он одну находит,
 И вместе несколько минут
 Они сидят. Слова нейдут
 Из уст Онегина. Угрюмый,
 Неловкий, он едва-едва
 Ей отвечает. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотрит он: она
 Сидит покойна и вольна.

XXIII.

Приходит муж. Он прерывает
 Сей неприятный tête-à-tête¹;
 С Онегиным он вспоминает
 Проказы, шутки прежних лет.
 Они смеются. Входят гости.
 Вот крупной солью светской злости
 Стал оживляться разговор;
 Перед хозяйкой легкий вздор
 Сверкал без глупого жеманства,
 И прерывал его меж тем

Разумный толк без пошлых тем,
 Без вечных истин, без педантизма,
 И не пугал ничьих ушей
 Свободной живостью своей.

XXIV.

Тут был, однако, цвет столицы,
 И знать, и моды образцы,
 Везде встречаемые лица,
 Необходимые глупцы;
 Тут были дамы пожилые
 В чепцах и в розах, с виду злые;
 Тут было несколько девиц,
 Не улыбающихся лиц;
 Тут был посланник, говоривший
 О государственных делах;
 Тут был в душистых седирах
 Старик, по-старому шутивший:
 Отменно тонко и умно,
 Что нынче несколько смешно.

XXV.

Тут был на эпиграммы падкий,
 На все сердитый господин:
 На чай хозяйский слишком сладкий,
 На плоскость дам, на тон мужчин,
 На толки про роман туманный,
 На вензель², двум сестрицам данный,
 На ложь журналов, на войну,
 На снег и на свою жену.

.....

XXVI.³

Тут был Проласов, заслуживший
 Известность низостью души,

¹ tête-à-tête (фр.) – тет-а-тет, разговор вдвоем, с глазу на глаз.

² Золотой, украшенный драгоценными камнями вензель (он же шифр) давали фрейли-
 нам в качестве знака отличия.

³ Варианты строф XXIV–XXVI см. в Приложении.

Во всех альбомах притупивший,
 St.-Priest¹, твои карандаши;
 В дверях другой диктатор бальный
 Стоял картинкою журнальной,
 Румян, как вербный херувим,²
 Затянут, нем и недвижим,
 И путешественник залетный,
 Перекрахмаленный нахал,
 В гостях улыбку возбуждал
 Своей осанкою заботной,
 И молча обмененный взор
 Ему был общий приговор.

XXVII.

Но мой Онегин вечер целый
 Татьяной занят был одной,
 Не этой девочкой несмелой,
 Влюбленной, бедной и простой,
 Но равнодушною княгиней,
 Но неприступною богиней
 Роскошной, царственной Невы.
 О люди! все похожи вы
 На прародительницу Эву:
 Что вам дано, то не влечет,
 Вас непрестанно змий зовет
 К себе, к таинственному древу;
 Запретный плод вам подавай:
 А без того вам рай не рай.

XXVIII.

Как изменилася Татьяна!
 Как твердо в роль свою вошла!
 Как утешительного сана
 Приемы скоро приняла!
 Кто б смел искать девчонки нежной
 В сей величавой, в сей небрежной
 Законодательнице зал?
 И он ей сердце волновал!

Об нем она во мраке ночи,
 Пока Морфей³ не прилетит,
 Бывало, девственно грустит,
 К луне подымлет томны очи,
 Мечтая с ним когда-нибудь
 Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви все возрасты покорны;
 Но юным, девственным сердцам
 Ее порывы благотворны,
 Как бури внешние полям:
 В дожде страстей они свежеют,
 И обновляются, и зреют –
 И жизнь могущая дает
 И пышный цвет и сладкий плод.
 Но в возраст поздний и бесплодный,
 На повороте наших лет,
 Печален страсти мертвой след:
 Так бури осени холодной
 В болото обращают луг
 И обнажают лес вокруг.

XXX.

Сомненья нет: увы! Евгений
 В Татьяну как дитя влюблен;
 В тоске любовных помышлений
 И день и ночь проводит он.
 Ума не внемля строгим пеням⁴,
 К ее крыльцу, стеклянным сеням
 Он подъезжает каждый день;
 За ней он гонится как тень;
 Он счастлив, если ей накинёт
 Боа⁵ пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ее руки, или раздвинет
 Пред нею пестрый полк ливрей,
 Или платок подымет ей.

¹ Граф Сен При – известный в то время карикатурист.

² Вербные херувимы – восковые крашенные фигурки ангелов, которые продавались в вербную неделю перед Пасхой.

³ Морфей – бог сна в древнегреческой мифологии.

⁴ Пени – упрёки.

⁵ Боа – длинный узкий шарф из меха или перьев.

XXXI.

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит:
Кокетства в ней ни капли нет –
Его не терпит высший свет.
Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет – и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к *водам*.¹

XXXII.

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече; а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Еще надеется, хлопочет;
Смелей здорового, больной,
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему невмочь.
Вот вам письмо его точь-в-точь.

Письмо Онегина к Татьяне²

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встрета,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Ташусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной –

¹ То есть на курорт с минеральными водами.

² Пропущенные строчки см. в Приложении.

И слышу гневный ваш укор.
 Когда б вы знали, как ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать – и разумом всечасно
 Смирять волнение в крови;
 Желать обнять у вас колени
 И, зарыдав, у ваших ног
 Излить мольбы, признанья, пени,
 Все, все, что выразить бы мог,
 А между тем притворным хладом
 Вооружать и речь и взор,
 Вести спокойный разговор,
 Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
 Противиться не в силах боле;
 Все решено: я в вашей воле
 И предаюсь моей судьбе.

XXXIII.

Ответа нет. Он вновь посланье:
 Второму, третьему письму
 Ответа нет. В одно собрание
 Он едет; лишь вошел... ему
 Она навстречу. Как сурова!
 Его не видят, с ним ни слова;
 У! как теперь окружена
 Крещенским холодом она!
 Как удержать негодование
 Уста упрямые хотя!
 Вперил Онегин зоркий взгляд:
 Где, где смятение, состраданье?

Где пятна слез?... Их нет, их нет!
 На сем лице лишь гнева след...

XXXIV.

Да, может быть, боязни тайной,
 Чтоб муж иль свет не угадал
 Проказы, слабости случайной...
 Всего, что мой Онегин знал...
 Надежды нет! Он уезжает,
 Свое безумство проклинает –
 И, в нем глубоко погружен,
 От света вновь отрекся он.
 И в молчаливом кабинете
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За ним гналась в шумном свете,
 Поймала, за ворот взяла
 И в темный угол заперла.

XXXV.

Стал вновь читать он без разбора.
 Прочел он Гиббона¹, Руссо,
 Манзони², Гердера³, Шамфора⁴,
 Madame de Staël⁵, Биша, Тиссо⁶,
 Прочел скептического Беля⁷,
 Прочел творенья Фонтенеля⁸,
 Прочел из наших кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Где поученья нам твердят,
 Где нынче так меня бранят,
 А где такие мадригалы

¹ Эдуард Гиббон – английский историк XVIII века, писавший об упадке Римской империи.

² Алессандро Мандзони – итальянский поэт и романист XIX века.

³ Иоганн Гердер – немецкий историк и писатель XVIII века.

⁴ Никола де Шамфор – французский публицист XVIII века.

⁵ Анна де Сталь – известная французская писательница.

⁶ Франсуа Биша и Симон-Андре Тиссо – французские врачи XVIII века, известные своими сочинениями по медицине.

⁷ Пьер Бейль – французский писатель XVII века, борец с церковными суевериями.

⁸ Бернар де Фонтенель – французский писатель и философ XVIII века.

Себе встречал я иногда:
*E sempre bene*¹, господа.

XXXVI.

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желания, печали
Теснились в душу глубоко.
Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.

XXXVII.

И постепенно в усыпленье
И чувств и дум впадает он,
А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон².
То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом – и у окна
Сидит она... и все она!..

XXXVIII.

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил

Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил!
А точно: силой магнетизма³
Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: *Benedetta*⁴
Иль *Idol mio*⁵ и ронял
В огонь то туфлю, то журнал.

XXXIX.

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума.
Весна живет его: впервые
Свои покои запертые,
Где зимовал он, как сурок,
Двойные окны, камелек
Он ясным утром оставляет,
Несется вдоль Невы в санях.
На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нем свой быстрый бег

XL.

Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне
Мой неисправленный чудак.
Идет, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь отворил он. Что ж его

¹ *E sempre bene* (итал.) – устойчивое итальянское выражение «и на том спасибо».

² Фараон – азартная карточная игра.

³ В первой трети XIX века «магнетизм» – слово для обозначения нематериальных воздействий.

⁴ *Benedetta* (итал.) – Дивная; начало популярной в то время итальянской песни.

⁵ *Idol mio* (итал.) – мой кумир.

С такую силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто б немых ее страданий
В сей быстрый миг не прочитал!
Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит;
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно все. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних дней,
Теперь опять воскресла в ней.

XLII.

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...
О чем теперь ее мечтанье?
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.

Не правда ль? Вам была не новость
Смиренной девочки любовь?
И нынче – боже! – стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

Тогда – не правда ли? – в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

XLV.

Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.
К моим младенческим мечтам
Тогда имели вы хоть жалость,
Хоть уважение к летам...
А нынче! – что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

XLVI.

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,

Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,

За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянсю мосей...

XLVII.

А счастье было так возможно,
 Так близко!.. Но судьба моя
 Уж решена. Неосторожно,
 Быть может, поступила я:
 Меня с слезами заклиний
 Молила мать; для бедной Тани
 Все были жребии равны...
 Я вышла замуж. Вы должны,
 Я вас прошу, меня оставить;
 Я знаю: в вашем сердце есть
 И гордость и прямая честь.
 Я вас люблю (к чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду век ему верна».

XLVIII.

Она ушла. Стоит Евгений,
 Как будто громом поражен.
 В какую бурю ощущений
 Теперь он сердцем погружен!
 Но шпор незапный звон раздался,
 И муж Татьянин показался,
 И здесь героя моего,
 В минуту, злую для него,
 Читатель, мы теперь оставим,
 Надолго... навсегда. За ним
 Довольно мы путем одним
 Бродили по свету. Поздравим
 Друг друга с берегом. Ура!
 Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто б ни был ты, о мой читатель,
 Друг, недруг, я хочу с тобой
 Расстаться нынче как приятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здесь ни искал в строфах небрежных,
 Воспоминаний ли мятежных,
 Отдохновенья ль от трудов,

Живых картин, иль острых слов,
 Иль грамматических ошибок,
 Дай бог, чтоб в этой книжке ты
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальных сшибок,
 Хотя крупцу мог найти.
 За сим расстанемся, прости!

L.

Прости ж и ты, мой спутник странный,
 И ты, мой верный идеал,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый труд. Я с вами знал
 Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни в бурях света,
 Беседу сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 С тех пор, как юная Татьяна
 И с ней Онегин в смутном сне
 Явились впервые мне –
 И даль свободного романа
 Я сквозь магический кристалл¹
 Еще не ясно различал.

LI.

Но те, которым в дружной встрече
 Я строфы первые читал...
 Иных уж нет, а те далече,
 Как Сади² некогда сказал.
 Без них Онегин дорисован.
 А та, с которой образован
 Татьяны милый идеал...
 О много, много рок отъял!
 Блажен, кто праздник жизни рано
 Оставил, не допив до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочел ее романа
 И вдруг умел расстаться с ним,
 Как я с Онегиным моим.

¹ Магический кристалл – стеклянный шар для гаданий.

² Саади – знаменитый иранский поэт XIII века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Создавая первую главу своего «Онегина», Пушкин и сам не осознавал, что этой главой начиналось произведение, которому суждено будет сделаться одним из важнейших его созданий. Начатый без плана, как шуточный рассказ, он мало-помалу вырос в широкую картину жизни целого общественного слоя, в котором выступили разнообразные русские типы, никем дотоле с такою правдой не изображавшиеся. Среди них два законченных образа: Евгения и Татьяны – как два следствия этой жизни в первой четверти XIX века – введены в узел отношений, полных интереса общечеловеческого.

Пушкин писал «Онегина» около 7,5 лет и вкладывал в него всю душу свою – так эта работа была сродни его таланту и удовлетворяла внутренней потребности его творчества при всевозможных изменениях во внешней его жизни – в Кишиневе, Одессе, Михайловском, Москве, Петербурге, во время кратких деревенских поездок и в Болдине. Мало-помалу роман этот для Пушкина стал тем, чем бывает для поэтов, согласно природе каждого, их главный труд: таким трудом для Гете был «Фауст», для Байрона сначала «Чайльд-Гарольд», а потом «Дон Жуан».

Еще одно обстоятельство сообщало этому любимому произведению Пушкина особенную задумчивость. Он начал его, не рассчитывая на обнародование в печати, как он сам выражается – «спустя рукава», изображая в нем отчасти и свою собственную жизнь, свободно внося в его «пестрые главы» лирические «заметы», исполненные порою тонкого юмора, порою глубокого элегического чувства. Повод к тому представлялся беспрестанно в романе, содержание которого извлекалось им из жизни среды, столь близкой самому автору; тому же благоприятствовала лиро-эпическая форма, избранная поэтом для своего «свободного романа».

Эта форма была подхвачена Пушкиным у Байрона в ту пору, когда поэт еще не осознавал всей разнородности своего творчества с гением британского поэта. Попытка Байрона воспользоваться свободой в повествовании, следуя примеру предвестников английского ново-романтизма, вносящих в свои поэмы холодные размышления при описательных местах, обратилась в написанной им в 1817 году повести «Беппо» в смелую, ничем не стесняемую беседу с читателем о предметах самых разнообразных. Судя по письмам, Байрон не придавал этой повести большого значения, а между тем она открывала собою тот новый способ повествования, который как нельзя более соответствовал сатирическому чувству Байрона и получил блестящее применение в последовавшей за нею поэме «Дон Жуан».

Содержание «Беппо» заимствовано из венецианского анекдота о похождениях юного любовника венецианки Лауры в отсутствие ее мужа моряка-купца Джузеппе (или Беппо), попавшего в плен к туркам, сочтенного умершим и внезапно появившегося перед женою на маскараде. В своей повести Байрон беспрестанно прерывает повествование мимоходными замечаниями о всевозможных предметах. Тут есть строфы, касающиеся любви, ветреных венецианских нравов, англичанок, итальянок, женщин востока, природы и языка Италии, светского общества, славы Наполеона, счастья, плохих поэтов и даже соусов. Все это переплетается с воспоминаниями о личной жизни и сатирическими выходками против лондонских нравов. Поэт несколько раз шутивно ловит себя на этих отступлениях.

Эти шуточные заметки отразились в некоторых стихах «Евгения Онегина». Пушкин писал Дельвигу: «Пишу теперь поэму, в которой забалтываюсь донельзя». Внешнее же сходство самого героя I-й главы «Евгения Онегина» с легким очерком

графа повести «Беппо» дало право Пушкину назвать начало своего романа «напоминающим» это шуточное произведение мрачного Байрона. Прямой намек на «Беппо» есть в 49-й строфе I-й главы «Евгения Онегина», где поэт обращается к Италии:

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.

В XIX и XX строфах «Беппо» есть прекрасное описание таинственных гондол:

Случалось ли гондолу видеть вам?
Я опишу подробно: лодка эта
С навесом и резьбою по углам,
Безмолвная, вся трауром одета,
Как темный гроб. Несется по волнам.
За веслами сидят два гондольера,
И весел их рассчитанная мера
Едва слышна...

Есть упоминание о таинственной гондоле в стихах «Евгения Онегина». Но эти-ми незначительными отзвуками и ограничиваются книжные следы «Беппо» в «Евгении Онегине». Более любил сближать Пушкин своего «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном» Байрона. В ноябре 1823 года он писал князю Вяземскому из Одессы: «Что до моих занятий, пишу теперь не роман, а роман в стихах – дьявольская разница – в роде Дон Жуана. Первая песнь или глава кончена... Пишу его с упоением, что уже давно со мною не бывало...». Такое сближение может быть объяснено как сходством в свободной форме произведения, так отчасти и юмористическим элементом его. К примеру, конец 1-й песни «Дон Жуана»:

Теперь бы, господа, пора кончать
И, избегая фраз и пустословья,
В последний раз, позвольте руку сжать
И пожелать вам доброго здоровья...

отразился, быть может, в конце «Евгения Онегина»:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости...

С другой стороны, ни в печатном тексте, ни в черновых набросках нет ничего, что давало бы право сближать «Евгения Онегина» со злыми, а порою и циническими выходками в «Дон Жуане». Могут быть указаны лишь два места, сходные с «Дон Жуаном». Строфы СХХV I-й его песни:

Приятно ждать наследства иногда
И смерти дяди старого иль тетки,
Из-за которой многие года
Мы с стариками очень были кротки,
Но втайне размышляли лишь о том –
Скорей войти хозяином в их дом...

У Пушкина в I главе:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...

Насмешка Пушкина:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!

слегка напоминает, может быть, иронизирование Байрона над синими чулками в «Дон Жуане»:

Чулки те синие, как рыцаря подвязка.
Меж леди тех встречал я милых дам.
Хоть эти дни исчезли безвозвратно,
Но я не враг тем милым существам,
Мысль об одной доньине мне приятна:
О, леди та была прекраснее Амура,
Она была нежна, скромна – но только дура!

При подобном незначительном сходстве «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном», по самому тону они сильно различаются между собою: Пушкин редко впадал в желчный тон поэмы Байрона, и хотя в письме к А. И. Тургеневу (1 дек. 1823) у Пушкина вырвалось замечание: «на досуге пишу новую поэму, где захлебываюсь желчью...», но напрасно стали бы мы ее искать. Одной из существенных особенностей его творчества было то равновесие духа, при котором самое чувство негодования силою этого творчества очищалось... По собственному выражению Пушкина, он поэзией «усыплял черные мечты» свои (см. строфу XIX главы IV «Е. О.»).

Тем не менее, слова Пушкина, что он «захлебывался желчью» в пору создания первых глав «Евгения Онегина» не заключают в себе большого преувеличения; только желчь эта, как увидим ниже, не нашла себе места в «Онегине». В эпоху создания первых глав Онегина помутилась та гармония, выражать которую был призван поэтический гений Пушкина. Причиной тому были и печальные обстоятельства его личной и общественной жизни, и сильное впечатление, произведенное на него поэзией Байрона.

Пушкин ознакомился со многими из произведений Байрона еще в первый год своего пребывания на юге. Однако Пушкин не пошел по его следам. Он был один из тех крепких в действительности умов, которые, при всем обаянии мировой скорби, не подчинялись ей. Пушкин не находил в душе своей тех струн, которые могли бы вторить голосу Байрона, и первые попытки к тому в поэмах, писанных на юге, ясно показали Пушкину, что на этом поприще он не может творить с силою, равною этому образцу. Удовольствоваться же ролью подпевалы ему не позволял его талант, которого силу он в себе уже чувствовал. Таково отношение Пушкина к Байрону, несколько не унижающее его в наших глазах и только свидетельствующее о всей разнородности этих двух поэтов.

Здоровое чувство Пушкина не допустило слиться его героям с героями Байрона в чувстве разочарования. Дабы сознать это, нужен был неудачный опыт в «Кавказском Пленнике», в чем сам Пушкин сознавался Гнедичу: «Характер Пленника неудачен. Это доказывает, что я не гожусь в герои романического (т.е. байронического) стихотворения» (29 апр. 1822).

Дружественно расположенный к Пушкину критик указал ему, что в герое Байрона схвачены жизненные черты современного человека. «Подобные лица, – заметил Вяземский, – часто встречаются в нынешнем положении общества. При избытке силы, жизни внутренней, которая в честолюбивых потребностях своих не может удовлетвориться уступками внешней жизни... должны они неминуемо посеять в душе тот истребительный зародыш скуки, приторности, пресыщения, которым знаменуют характер Ч. Гарольда, Кавказского Пленника и им подобных». Как же воплотить эту очевидно характерную черту современного общественного типа? Вот задача, предстоявшая Пушкину, когда он осознал слабость первого опыта.

Пушкин предпринял новую разработку этого современного типа в стиле поэмы – в «Цыганах», и в стиле бытового романа – в «Евгении Онегине». Оба произведения писались одновременно. Онегин лишь несколько опередил началом своим Алеко. Обоими произведениями было сказано новое слово в пределах идеи, возбужденной Байроном. Связь «Евгения Онегина» с «Цыганами» подтверждается рукописями поэта. В этом отношении очень знаменательно, что стихи об Алеко:

Но боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!

Приложение

Давно ль, надолго ль присмирели?
Они проснутся: погоди!

первоначально написаны были о Евгении, лишь в несколько иной форме:

Какие чувства не кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль присмирели?
Они проснутся, подожди.

Алеко и Евгений проистекали из одного источника. Верховье же этого источника теряется в Чайльд-Гарольде, протекая затем «Кавказского Пленника». Существенное отличие героев «Цыган» и «Евгения Онегина» в том, что Онегин, охлажденный жизнью в среде, его не удовлетворявшей, не мог выйти из нее. Алеко же проявил дикую энергию, найдя в себе силы бежать от этой среды.

Когда оба художественные произведения Пушкина перед нами, судьба обоих героев, отравленных ядом Чайльд-Гарольда и в самой идеализации своей не превышающих размера средних людей русской действительности своего времени, нам кажется такой естественной. Герои обоих произведений Пушкина не были образами вычитанными, и «Евгений Онегин» относится к «Чайльд-Гарольду» не как подражание к образцу, но как самобытное поэтическое произведение к своему эпиграфу, не более.

Усваивая в поэме Байрона разочарованность от пресыщения страстей и потрясения веры в людей, занимавшую его вследствие опыта собственной жизни, Пушкин, тем не менее, оставался безучастным к какой-либо общей системе отрицательного характера, притязавшей «истолковать все творение и разгадать добро и зло». «В лучшее время жизни, – писал Пушкин, – сердце, не охлажденное опытом, доступно для прекрасного; оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противоречия сущности рождают в нем сомнение: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезает, уничтожив наши лучшие и поэтические предрассудки души». Некоторые строки «Евгения Онегина» представляют воспоминание о том мучительном состоянии, которое суждено было испытать самому поэту. Он пережил его. Но точно ли оно уничтожило в нем лучшие и поэтические предрассудки души? Поэт так описывает общее со своим героем душевное состояние:

Я был озлоблен, он утрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

Изобразив затем разлученного с ним героя, преследуемого в деревне скукою, Пушкин, размягченный воспоминанием о собственных счастливых днях в деревенской глуши, уж окончательно отклоняет право на отождествление своих чувств с чувствами своего героя:

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет...

Заклячая главу, поэт замечает:

Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу,
Цензуре долг свой заплачу...

«Противоречия» эти, конечно, – следы того родственного чувства, которое испытывал поэт со своим героем. Они дороги нам, как изящное свидетельство, в какой душевной глубине выношен его Онегин. С первого шага задуманный и в самом деле не более, как в стиле «Беппо», фигурой, напоминающую водевильные черты графа, героя этой шалости Байрона, – Евгений был одушевлен и согрет тем объятием поэта, которое избавило его от лукавого наваждения «желчи».

Пробегая всю жизнь Онегина, на всем ее пространстве, читатель убеждается, припомнив следы прикосновения этого скитальца к Татьяне и Ленскому, что при всем комизме Онегина на нем лежит проклятие, освещающее и жизнь того общества, в котором жил такой герой, трагическим светом. Таков общий результат всей картины, начатой, по-видимому, веселым тоном «Беппо», который Пушкин во всей неприкосновенности выдержал лишь в «Графе Нулине».

При всей сжатости формы стихотворного романа, Пушкин с замечательной полнотой захватит в нем психическую жизнь своего героя. Он изображает его порывы к деятельности. Но к какой же деятельности был подготовлен Евгений своим гувернером и праздной жизнью в том возрасте, когда именно складывается характер человека? К тому же легкий успех в свете, где он успел уже заслужить репутацию мыслящего, начитанного и даже «ученого» человека, приучил его не довольствоваться скромным местом в задних рядах общества. Следовательно, его самолюбие было уже

настолько разнежено, что он привык считать себя выше заурядной толпы. Первою его мыслью было взяться за перо.

Но труд упорный
Ему был тошен; Ничего
Не вышло из пера его.

Тогда принялся он за чтение. Но люди, подобные Онегину, неспособны извлекать пользу из чтения и находить в нем удовлетворение. Здесь Пушкин подметил одно из существенных зол «полупознания» – его самоуверенность:

Читал, читал, а все без толку:
Там скука, там обман иль бред...

Незнакомое с процессом познания на собственном опыте, полужнание не умеет читать: мысль для него новая признается или за обман, или за глупость; мысль, совпадающая с его собственными мнениями, ему кажется старой. Не удовлетворившись чтением, Онегин

... оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой.

Смерть дяди бросает его в деревню, и мы видим здесь его как помещика. Поведение его в деревне как нельзя более согласно с теми задатками, которые вынес он из своей петербургской жизни. Лишенный в детстве сельских впечатлений, он не мог в Летнем саду и ресторанах Петербурга воспитать в себе привязанности к простоте деревенской жизни и к красоте природы, столь знакомым Пушкину, для которого деревня была «приютом спокойствия, трудов и размышленья». Поэт и в этом отмечает с удовольствием разность между Онегиным и собой.

Однако же деревня на первое время дает Онегину повод к новой попытке занять чем-нибудь полезным (по счету – третьей). Недаром вращался он в среде просвещенной столичной молодежи. Он уже достаточно наслушался в Петербурге разговоров: и политико-экономических, и юридических. Попытка Онегина «учредить новый порядок» в своем имении, однако же, ограничилась только одним похвальным распоряжением:

В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.

Вот и все, что он сумел сделать в своем имении. Старые привычки взяли верх: он ограничился праздностью и разговорами с готовым слушать его юным соседом; разговоры окончились просьбою познакомить его с соседками.

Дальнейшая жизнь Онегина представляет то же бесплодное бездействие и праздность. Бесцельное путешествие возбуждает в нем только тоску. Последние силы его слабой воли уже истрачены; всякая деятельность кончена, когда еще и половина жизни не прожита. Он увидел, что в нем вовсе нет нравственных сил для того, чтобы осуществить в своей жизни те новые начала, которые в виде привитых ему идей или, правильнее, слов, мешали ему отдаваться заурядной жизни в будничных ее формах. Он почувствовал полное бессилие и беспомощность на жизненном пути – и тут в нем вспыхнула страсть.

Любовь, и притом к особе недюжинной, могла бы, казалось, возродить несчастного скитальца, наполнив его бессодержательную жизнь, и вызвать на деятельность. Но по глубокому замыслу поэта и это чувство в Онегине должно было явиться не тогда, когда могло иметь указанное значение. Прежняя жизнь Онегина должна стать трагической виной, требующей возмездия, и орудием этого возмездия явилось именно то, что наиболее бессердечно было попорано им в этой прошлой жизни.

Он влюбляется в Татьяну, как дитя, но основной источник этой страсти скрывается в старом болоте мелкого светского чувства – тщеславия. Любовь Онегина к Татьяне загорается под впечатлением метаморфозы, которая поразила его в Татьяне. Простая искренняя девочка вдруг предстала ему женщиной, получившей поразительный успех в том обществе, которому принадлежал Онегин всей силой своего ничтожества. Вот что стало чарующим в Татьяне для Онегина. С замечательной психологической прозорливостью поэт указывает Ахиллесову пяту испорченного сердца Онегина: в письме своем к Татьяне Онегин не умеет примирить свою теперешнюю любовь со своим прошлым, и он жлет:

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел...

Как нельзя более выступает и вся эгоистичность исканий Онегина. В письме он ведет речь все время о себе:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

В письме нет и намека на то, чтобы он подумал хоть сколько-нибудь о жизни самой Татьяны. Решаясь писать ей о своей любви, он ни словом не намекает, что подумал о том, чем же должна стать ее жизнь, если она ответит на эту любовь. Что предлагает он ей после того, когда исполнилось бы его желание? Ничего, кроме обидной роли жены, обманувшей мужа...

Отношение Онегина к Татьяне не было воспроизведением действительных отношений Пушкина к кому-либо, но нельзя не видеть явлений одного и того же порядка в отношениях поэтического лица и волнений, пережитых однажды самим поэтом. В Тригорском, у соседок своих по селу Михайловскому, Пушкин встретил молодую

жену генерала Керн, и она сильно увлекла Пушкина. Разлученный с А. П. Керн, которую г-жа Осипова, заметив страсть Пушкина, поспешила увести в Ригу, Пушкин писал ей: «Я имел слабость просить позволения писать к вам, вы – дать мне на это позволение... Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление глубже и мучительнее того, которое производила на меня в былые дни наша встреча у Оленина. В моей печальной деревенской глуши не могу делать ничего лучше, как стараться больше не думать о вас»...

Характер отношений Пушкина к А. П. Керн, явный из последующих писем, не сходен с отношением героев романа настолько, насколько сама личность г-жи Керн несходна с личностью Татьяны: потому дальнейшие сближения невозможны. В «Воспоминаниях» своих А. П. Керн, конечно, заблуждалась, когда писала, что 14, 15 и 16 строфы VIII «Онегина» относятся к воспоминаниям об их встрече у Олениных. Сходство, конечно, лишь внешнее. Дело в том, что ни Пушкин, ни г-жа Керн не придавали чувству, их на краткое время сблизившему, серьезного значения, какое думал придать Онегин своему чувству... Татьяна разгадала всю несвойственность этой серьезности чувствам Онегина – и прямо высказала ему это в своей последней отповеди.

Но не только Онегин и Татьяна связаны органическими нитями с сердцем поэта. Переживая своею многостороннею душой создаваемые им образы, Пушкин, конечно, отражал в них и те лица, которые представлялись его наблюдению среди общества, его окружавшего. Нет необходимости в точных указаниях на какие-нибудь определенные личности относительно этих подхваченных им реальных черт. Конечно, тип Онегина мог сложиться у Пушкина вследствие хорошего знакомства со столичной средой, в которой он вращался с юных лет до самого того времени, когда созрела в нем возможность отлить его в полный жизни образ. Черты домашнего воспитания он мог заимствовать отчасти даже и из собственного детства. Среда его отца, Сергея Львовича, и дяди Василия Львовича была той средою, которая порождала Онегиных.

Monsieur l'Abbé, который ходил за Евгением, ранняя свобода Онегина, дендизм, внешние светские приемы, длинные тщательно обточенные ногти, французский разговорный язык, остроумие и эпиграммы, эпикуреизм, посещение ресторанов, театральные знакомства – все это черты собственной жизни и привычек молодого Пушкина, из которых многие остались на всю жизнь. Можно без преувеличения сказать: исключите из юного Пушкина его поэтическую душу – и получилось бы лицо, во многом сходное с Онегиным. Но и об этом внешнем иге времени и среды Пушкин неоднократно жалел и в лирических стихотворениях своих, и в отступлениях романа: Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!

«Я балы б до сих пор любил, – прибавляет он, – если б не страдали нравы». Эту-то безнравственность светской жизни помогла ему сбросить с себя поэтическая его природа. Онегин изображен лишенным именно этой поэтической природы – и в этом характерная противоположность с творцом романа его героя. Родители поэта стояли

выше родителей Онегина, и уже следовали иным веяниям своего времени, благодаря близости к таким лицами, как А. И. Тургенев, содействовавшими определению их сына в Лицей.

Кто из читателей, после знакомства с биографическими подробностями о личностях, близких Пушкину, перечитывая «Евгения Онегина», не заметит что-то знакомое в отношении поэта к изображенному в нем Владимиру Ленскому? Не является ли рядом с образом этого юного поэта «с душою прямо геттингенской» симпатичный образ Вильгельма Кюхельбекера, столь любимого Пушкиным, хотя порою и вызывавшего его насмешки? Вильгельм, по сведениям о лицейской жизни, будучи знаком с германской литературой, старался распространить в кружке лицестов эту поэзию, им совсем незнакомую. Стихи самого Кюхельбекера чаще всего вызывали эпиграммы товарищей, в том числе и Пушкина, но последний чувствовал к нему какую-то нежность, сохранившуюся на всю жизнь. Не та ли это любовь, которая приписана в романе Ленскому? Вспыльчивость Кюхельбекера, который и в Лицее порою выходил из себя от товарищеских шуток над ним, не чужда и Ленскому. В довершение сходства – самому Пушкину суждено было драться на дуэли с этим другом своего детства – и первый вызвал Кюхельбекер. Дуэль кончилась счастливо для юного поэта: Пушкин отказался стрелять, и товарищи помирились.

О Татьяне сам Пушкин в строфе 51 восьмой главы «Евгения Онегина» написал, что знал ту, «с которой образован Татьяны милый идеал». Но мы имеем лишь одно современное свидетельство, указывающее, где можно искать ту, на кого сделан здесь намек. А. Н. Раевский в одном из писем к Пушкину между прочим пишет: «Отлагаю до другого письма удовольствие рассказать тебе деяния наших прекрасных землячек; теперь же поговорю о „Татьяне“». Она приняла живое участие в твоей беде и поручает мне передать тебе об этом. Пишу с ее ведома и согласия: тихая и добрая душа ее сознает лишь несправедливость, которая тяготеет над тобою, и она выразила мне все это с чувством и грацией, свойственной характеру „Татьяны“...».

Анненков же, не ссылаясь на чье-либо свидетельство, высказывает с уверенностью, что основой поэтических образов Татьяны и Ольги Лариных были две дочери г-жи Осиповой от первого ее брака. «Дочери г-жи Осиповой, Анна и Евпраксия Николаевна Вульф, – пишет он, – составляли два противоположных типа, отражение которых в Татьяне и Ольге „Онегина“ не подлежит сомнению. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла, как и Татьяна по отношению к Онегину, полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чего устать и ослабеть не могли, между тем как сестра ее, «воздушная Евпраксия», как отзывался о ней сам поэт, представляла совсем другой тип. Она пользовалась жизнью очень просто, и, по-видимому, ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий... Евпраксия Николаевна была душой веселого общества, собиравшегося по временам в Тригорском; она играла перед ним арии Россини, мастерски варила жженку и являлась первой во всех предприятиях по части удовольствий...». Вот и все, что было высказано в пользу того мнения, что та, с кого «образован милый идеал Татьяны», была Анна Николаевна Вульф, а тою, которая отразилась на образе Ольги, – сестра ее Евпраксия.

Вполне определенно указание поэта на живое лицо, послужившее ему для создания Таниной няни. В письме в Д. М. Княжевичу (1824 г.) он писал: «Целый день

верхом, вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели: она единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно».

На втором плане романа выступают личности старого поколения: одни принадлежат к столичному обществу, другие – к деревенскому помещичьему кругу. К ним относятся отец и дядя Онегина. Первый – тип тех дворян, которые, покинув свои имения, предпочли столичную жизнь, где, занимая значительные должности, не оставляли однако же по себе памяти, как полезные слуги государства, но вели превышающий их средства образ жизни и обременяли себя долгами. О нем Пушкин повествует иронически:

Служив отлично благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.

Этот рассеянный образ жизни окружал юного Евгения, которому отец дал описанное выше модное воспитание, оставаясь чуждым тем новым идеям, которые уже делались уделом молодого поколения и поверхностно схватывались его сыном. Так, слушая «глубокие экономические» соображения своего сына,

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

То был столичный тип очень заурядный. Беспорядочность хозяйственных распоряжений отца Онегина несколько напоминает те же свойства отца Пушкина, Сергея Львовича; глядя на его жизнь, Пушкин был хорошо знаком с обстановкой такого рода. Дом родителей поэта, по свидетельству одного из его товарищей, представлял всегда какой-то хаос и вечный недостаток во всем.

Дядя Онегина – тип другого рода представителей старого поколения. Описание его усадьбы «во вкусе умной старины» свидетельствует о зажиточности этого «деревенского старожилы», а по черновому наброску – «скупого богача». В его жизни не было ничего, что бы вызвало уважение его потомка. Две-три черты рисуют в нем одну из тех мрачных личностей, которым чужды всякие интересы, кроме разве некоторых хозяйственных мелочей. И на юного наследника, которому опротивела столичная жизнь, среди которой он родился и воспитался в доме отца, от этого покоя пахло неприветливым холодом.

Не более приветливо встретила Онегина и жизнь среди соседей, когда один из них надулся на него за то, что он облегчил повинности своих крестьян, увидев в этом страшный вред; другие – за то, что он не подходит к ручкам дам и не прибавляет «с» в своей речи. Удивительно ли, что такое общество было бессильно усвоить себе молодого помещика? Примирения между такими двумя крайностями полупросвещения

быть не могло. Попытка Онегина к сближению с соседями окончилась тем, что он стал избегать их, а они его прославили «человеком опасным».

В изображении семейства Лариных Пушкин полнее раскрыл черты провинциального быта. Просвещение коснулось этого семейства в лице московской тетки Татьяны. Сами старики Ларины отличались только терпимостью к этим столичным веяниям. Отец Татьяны, старый отставной военный, украшенный Очаковской медалью, «был добрый малый, в прошедшем веке запоздалый». Он в книгах не видал вреда, их «не читая никогда, их почитал пустой игрушкой» и не питал к ним такой ненависти, как, например, Фамусов. На долю же Татьяны от западного просвещения достались лишь романы. Вопреки своей сестре, которая довольствовалась всем, что бы ни досталось ей в жизни, лишь бы она была свободна от излишних тревог, Татьяна относилась к жизни с большими запросами. Если чтение отрывало ее от действительности в область мечты, где эта действительность перерабатывалась в особый мир грез и несбыточных идеалов, то оно внушило ей и более возвышенный взгляд на нравственную задачу жизни.

В этом чтении она научилась многому, чего не представляла ей действительность. Это чтение открыло ей права сердца, сообщило ее душе настроение, при котором счастье уже не понимается как эгоистическое пользование жизненными благами. Оно приучило ее видеть высокую красоту в самом страдании, чувствовать величие жизненного подвига. В «Клариссе Гарлов» Ричардсона, например, она вычитала потрясающую историю девушки, погибшей в смелой попытке исправить порочного человека. В истории этих вымышленных лиц училась Татьяна и на жизнь смотреть, как на подвиг.

Это одностороннее влияние, воспринимавшееся через чтение, в душе Татьяны встречалось с впечатлениями родной житейской среды: тихой семейной жизни в кругу родных, в деревне, на руках простодушной няни. Романические мечты дружно уживались в Татьяне с преданиями старины, с той поэзией, которая вносилась в ее жизнь из обычаев народных. Оба начала, при всем видимом различии их, образовали в душе Татьяны неожиданное гармоническое сочетание. Идеализм европейской поэзии пробудил ее мысль и дал возвышенный строй ее духу; искусственность этого возбуждения умерилась той нравственной связью, которую Татьяна, при всей кажущейся отчужденности в семье своей, не порывала с близкими ей людьми. Вот происхождение этой оригинальной личности.

А. И. Поливанов

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 10 примечание 2

Пушкин писал о пропусках целых строф или их частей: «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в Онегине, которые я не мог или не хотел напечатать – этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучшее было бы заменять эти строфы другими или переплавлять и сплавливать мною сохранные. Но, виноват, на это я слишком ленив...». Строки IX строфы есть в черновиках к роману:

Нас пыл сердечный рано мучит
И говорит Шатобриан¹
Любви нас не природа учит
А первый пакостный роман –
Мы алчем жизнь узнать заране
И узнаем ее в романе
Лета придут, а между тем
Не насладились мы ничем –
Прелестный опыт упреждая
Мы только счастью вредим –
Незнание скроется, а с ним
Уйдет горячность молодая
Онегин это испытал
Зато как женщин понимал –

Стр. 11 примечание 1

Тексты этих двух пропущенных строф сохранились в черновиках к роману:

XIII.

Как он умел вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взор
И с нею скромный и смятенный
Начать, краснея, разговор.
Пленять неопытностью нежной

¹ Франсуа-Рене де Шатобриан – французский писатель и политик. В 1802 году вышел его роман «Рене, или Следствия страстей», в котором впервые во французской литературе появился образ героя-страдальца.

И верностью ... надежной
Любви, которой в мире нет,
И пылкостью невинных лет.
Как он умел с любою дамой
О платонизме рассуждать
И в куклы с дурочкой играть,
И вдруг неожиданной эпиграммой
Ее смутить и наконец
Сорвать торжественный венец.

XIV.

Так резвый баловень служанки,
Амбара¹ страж, усатый кот
За мышью крадется с лежанки,
Протянется, идет, идет,
Полужажмурясь, подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Расширит когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.
Так хищный волк, томясь от голода,
Выходит из глуши лесов
И рыщет близ беспечных псов
Вокруг неопытного стада;
Всё спит, и вдруг свирепый вор
Ягненка мчит в дремучий бор.

Стр. 15 примечание 1

Примечание Пушкина: «Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенной щеточкой» сопровождается выдержкой о Гримере из «Признаний» Руссо: «Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençais de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau». Перевод: «Все знали, что он употребляет белила; и я, совершенно этому не веривший, начал догадываться о том не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи

¹ Амбар – старинное название постройки для хранения зерна.

специальной щеточки; это занятие он гордо продолжал в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро проводит два часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостатки кожи».

Стр. 15 примечание 4

Первая публикация первой главы имела к строфе XXVI такое примечание: «Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарем Академии. Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного». Во времена Пушкина происходила борьба между архаистами и новаторами. Первые, во главе которых стоял президент Академии наук Шишков, были яркими противниками любых языковых новшеств. Примечание содержало также следующую выдержку из речи Карамзина: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев. Наша, без сомнения счастливая, судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто из нас и в самый цветущий век Александра I может произносить имя Ее без глубокого чувства любви и благодарности?... Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим Она умела награждать все достохвальное, и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспоминанием».

Стр. 19 примечание 3

В 1-м издании «Евгения Онегина», в примечаниях к XLVII строфе 1 главы, находилась выписка из идиллии Гнедича:

Вот ночь: но не меркнут златистые полосы облак.
Без звезд и без месяца вся озаряется дальность.
На взморье далеком серебристые видны ветрила
Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с золотом востока:
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро. – Была то година золотая,
Как летние дни похищают владычество ночи;

Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва отеняются русыми локон волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
Тогда Филомела¹ полночные песни лишь кончит
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
Роса опустилась;.....
Вот полночь: шумевшая вечером тысячью весел,
Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо;
Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою,
Лишь крик протяженный из дальней промчится деревни,
Где в ночь окликается ратная стража со стражей.
Всё спит.....

Стр. 19 примечание 5

В ноябре 1824 года Пушкин писал брату: «... Брат, вот тебе картинка для «Онегина» – найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же местоположении. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно». На обороте письма были нарисованы карандашом: крепость, лодка на Неве, набережная и, опершись на нее, двое мужчин. Под каждым изображением цифры, внизу подписи: 1. Хорош. 2. Должен быть – опершись на гранит. 3. Лодка. 4. Крепость Петропавловская. Картинка была перерисована А. Нотбеком для гравюры, опубликованной в «Невском Альманахе» в 1829 г., вместе с другими картинками для «Онегина».

Стр. 20 примечание 8

В первом издании «Евгения Онегина» примечание к строфе L главы 1-й продолжалось так: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал в 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшей; помнил, как их

¹ Филомела – персонаж древнегреческой мифологии; чтобы избежать преследования царя Тирея, превратилась в ласточку.

водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою Лагань, плывущую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостью климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во все время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири: Елизавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит, бесспорно, к числу отличнейших людей Екатерининского века (ум. в 1800 году).

В России, где память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию».

Стр. 46 примечание 2

Первоначально была записана другая песня девушек:

Вышла Дуня на дорогу,
Помолившись богу –
Дуня плачет, завывает,
Друга провожает.
Друг поехал на чужбину,
Дальнюю сторонку.
Ох уж эта мне чужбина,
Горькая кручина!
На чужбине молодицы,
Красные девицы,
Осталась я молодая
Горькою вдовицей –
Вспомяни меня младую,
Аль я приревную;
Вспомяни меня заочно,
Хоть и не нарочно.

Стр. 47 примечание 3

Первые четыре из шести пропущенных строф четвертой главы были опубликованы в «Московском Вестнике» в 1827 году под общим заглавием «Женщины»:

I.

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине:
Ее любовь казалась мне
Недостижимым блаженством.
Жить, умереть у милых ног –
Иного я желать не мог.

II.

То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры –
Все было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Все в ней алкало слез и стоны,
Питалось кровию моею...
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона¹
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

III.

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета –
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...

¹ Миф рассказывает, что богиня Афродита оживила статую девушки, которую сделал скульптор Пигмалион и в которую он потом влюбился.

Я долго был пленен одною –
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?... зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И все в нем пусто и темно.

IV.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменяя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
И, право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалясь неосторожно,
Мы их любви в награду ждем.
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!

В черновой рукописи есть также неполная пятая строфа:

Смешон, конечно, важный модник,
Систематический Фоблас¹,
Красавиц записной угодник,
Хоть поделом он мучит вас;
Но жалок тот, кто без искусства
Души возвышенные чувства,
Прелестной веруя мечте,
Приносит в жертву красоте,
И расточив неосторожно.
Любви себе в награду ждет,
Объятий требует, зовет,
Как будто требовать возможно...

¹ О Фобласе см. примечание 4 на стр. 10.

Стр. 49 примечание 2

В черновой рукописи далее следовало отступление о провинциальных (псковских) барышнях:

Но ты, губерния Псковская,
Теплица юных дней моих!
Что может быть, страна святая
,Несносней барышень твоих,
Плаксивых, скучных, своенравных...
Как разговор их пуст и сух,
Как мысли пошлы, стародавны!
Но, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки зуб, нечистоту,
И неопрятность, и жеманство –
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

Стр. 51 примечание 1

В черновой рукописи далее следовало:

Мать тоже мыслит, у друзей
Тихонько требует совета;
Друзья советуют – зимой
В Москву подняться всей семьей, –
Авось в толпе большого света
Татьяне сыщется жених,
Милей и счастливей других.
Старушка очень полюбила
Благоразумный их совет,
В столицу ехать положила,
Как только будет зимний след.

Стр. 55 примечание 2

Строфа XXXVI была в издании 1828 года:

Уж их далече взор мой ищет...
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянёт и свищет,
Спуская бережно курок.
У всякого своя охота,
Своя любимая забота:

Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопущей мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

Стр. 55 примечание 7

В пропущенной XXXVIII строфе был описан наряд Онегина:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шапку с белым козырьком,
И только. Сим убором чуждым,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Его соседка Дурина,
А с ней Мизинчиков. Евгений,
Быть может, толки презирал,
Быть может, и про них не знал,
Но всех своих обыкновений
Не изменял в угоду им:
За то был ближним нестерпим.

Стр. 60 примечание 1

Пушкин имеет в виду следующее место этого стихотворения:

Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля;
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд подернув серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на небе голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,

Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожидаемый возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой:
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный, за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью.
И соболю на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле.
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!

Стр. 60 примечание 2

Пушкин имеет в виду следующие стихи из «Эды»:

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под сугробов снеговых
Кой-где, вставая головами,
Скалы чернеют; снег буграми
Лежит на соснах вековых.
Кругом все пусто. Зашумели,
Завыли зимние метели.

Стр. 68 примечание 6

Строфы из издания 1828 года:

XXXVII.

В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством;
Но, признаюсь великодушно,
Ты победил меня в другом;
Твои свирепые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Перед Истоминой моей,
Пред нашим воспитаньем модным;
Но Таня (присягну) милей
Елены¹ пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тут не станет,
Хоть за Елену Менелай
Сто лет еще не перестанет
Казнить фригийский² бедный край,
Хоть вкруг почтенного Приама³
Собрание стариков Пергама⁴,
Ее завидя, вновь решит:
Прав Менелай и прав Парид.
Что ж до сражений, то немного
Я попрошу вас подождать:
Извольте далее читать;
Начала не судите строго; Сраженье будет.
Не солгу, Честное слово дать могу.

¹ Имеется в виду Елена Прекрасная – супруга Менелая, похищенная троянцем Парисом.

² Фригия – историческая область на западе Малой Азии; согласно античным мифам фригийцы помогли Трое в войне с греками.

³ Приам – последний царь Трои.

⁴ Пергамом называли Троянскую цитадель.

Стр. 70 примечание 1

Неполная строфа XLIII в издании 1828 года:

.....
 Подковы, шпоры Петушкова
 (Канцеляриста отставного)
 Стучат; Буянова каблук
 Так и ломает пол вокруг.
 Треск, топот, грохот – по порядку:
 Чем дальше в лес, тем больше дров;
 Теперь пошло на молодцов –
 Пустились, только не впрыскаду.
 Ах, легче, легче: каблуки
 Отдавят дамские носки!

Стр. 74 примечание 1

Тексты пропущенных строф XV и XVI есть в черновиках:

XV.

Да, да, ведь ревности припадки –
 Болезнь, так точно, как чума,
 Как черный сплин, как лихорадка,
 Как повреждение ума.
 Она горячкой пламенеет,
 Она свой жар, свой бред имеет,
 Сны злые, призраки свои.
 Помилуй бог, друзья мои!
 Мучительней нет в мире казни
 Ее терзаний роковых.
 Поверьте мне: кто вынес их,
 Тот уж конечно без боязни
 Взойдет на пламенный костер
 Иль шею склонит под топор

XVI.

Я не хочу пустой укорой
 Могилы возмущать покой;
 Тебя уж нет, о ты, которой
 Я в бурях жизни молодой
 Обязан опытом ужасным
 И рая мигом сладострастным!
 Как учат слабое дитя,

Ты, душу нежную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но он прошел, сей тяжкий день;
Почий, мучительная тень!

Стр. 80 примечание 2

Примечание Пушкина: В первом издании шестая глава оканчивалась следующим образом:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,

XLVII.

Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопьев добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.

Стр. 82 примечание 1

Набросок о весне в черновых рукописях:

Когда повеет к нам весною,
И небо вдруг оживлено,
Люблю поспешною рукою
Двойное выставлять окно.
Я упиваюсь дуновеньем
(Живой) прохлады (первых дней)...

.....

.....

но весна

У нас не радостна она,
Богата грязью – не цветами.
Не свищет ночью над водами
Певец....
Напрасно (ищет) манит жадный взор
(Лугов) узор....
Один растопленный навоз.

Стр. 83 примечание 1

Набросок VIII и IX строф в рукописях:

VIII.

Но раз вечернею порою
Одна из дев сюда пришла.
Казалось, тяжкою тоскою
Она встревожена была.
Как бы волнуемая страхом
Она в слезах пред милым прахом
Стояла, голову склонив
И руки с трепетом сложив;
Но тут поспешными шагами
Ее настиг молодой улан,
Затянут, статен и румян,
Красуясь черными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.

IX.

Она на воина взглянула:
Горел досадой взор его,
И побледнела, и вздохнула,

Но не сказала ничего.
И молча Ленского невеста
От сиротеющего места
С ним удалилась – и с тех пор
Уж не являлась из-за гор.
Так равнодушное забвенье
За гробом настигает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Умолкнет – об одном именье
Наследников ревнивый хор
Заводит непристойный спор,

Стр. 89 примечание 5

В качестве примечания Пушкин приводит стихотворение князя Вяземского «Станция»:

Дороги наши – сад для глаз:
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль – проезда нет подчас.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша –
И вспомнишь стих: для проходящих!
Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам¹ или Мак-Ева –
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдистым
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым.
Или когда поля проймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может вброд
Пройти, глаза зажмуря, муха.

¹ *Американец Мак-Адам – изобретатель особого способа мощения.*

Стр. 96 примечание 4

Иные варианты начала восьмой главы:

I.

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея¹,
А Цицерона проклинал,
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткий,
Считал схоластику² за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив;

II.

Когда в забвенье перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух;
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал,

¹ «Елисей» – шуточная поэма мастера ироиколических сочинений Василия Ивановича Майкова.

² Схоластика в данном случае – наука, оторванная от реальной жизни.

Приложение

III.

В те дни – во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах Лицейских переходов
Являться Муза стала мне,
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась – Муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт,
В душе моей едины звуки
Переливаются, живут,
В размеры сладкие бегут.

IV.

Везде со мной, неутомима,
Мне Муза пела, пела вновь
(Amorem canat aetas prima¹)
Все про любовь да про любовь.
Я вторил ей – молодые други
В освобожденные досуги
Любили слушать голос мой.
Они, пристрастною душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую Музу.
О, торжество невинных дней!
Твой сладок сон души моей.

V.

И свет ее с улыбкой встретил,
Успех нас первый окрылил,
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил,

¹ Пусть юность воспекает любовь (лат).

И Дмитрев¹ не был наш хулитель;
И быта русского хранитель,
Скрижаль оставя, нам внимал
И Музу робкую ласкал.
И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, при страстьем увлеченный,
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал!

Стр. 99 примечание 4

Варианты в рукописях:

Смотрите: в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей;
В волненьи перси, плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вкруг стана выются и трепещут
Прозрачной сетью кружева,
И шелк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах;
И все в восторге, в небесах
Пред сей волшебною картиной...
Один Онегин...
Один Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.
И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колебясь, входит Лалла-Рук²,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо веет и скользит

¹ Речь о поэте Иване Ивановиче Дмитриеве.

² Лалла-Рук – дочь падишаха Аурангзеба, героиня одноименной поэмы Томаса Мура; императрица Александра Федоровна, будучи великой княгиней, однажды выступала в этой роли при дворе.

Звезда-харита меж харит,
 И взор смешенных поколений
 Стремится, ревностью горя,
 То на нее, то на царя, –
 Для них без глаз один Евгений;
 Одной Татьяной поражен,
 Одну Татьяну видит он.

Стр. 101 примечание 3

Варианты строф XXIV–XXVI в рукописях:

Тут был К. М., француз, женатый
 На кукле чахлой и горбатой
 И семи тысячах душах;
 Тут был во всех своих звездах
 Прависин, цензор непреклонный
 (Недавно грозный сей Катон¹
 За взятки места был лишен);
 Тут был еще сенатор сонный,
 Проведший с картами свой век,
 Для власти нужный человек.
 Тут был всем светом недовольный,
 На все сердитый граф Турин:
 На дом хозяйки слишком вольный,
 На глупость дам, на тон мужчин,
 На вензель, двум сироткам данный,
 На толки про роман жеманный
 (вар.: На слог газет, на день туманный),
 На пустоту жены своей,
 На тальи спелых дочерей;
 Тут был один диктатор бальный,
 Прыгун суровый должностной,
 У стенки фертик² молодой
 Стоял картинкою журнальной,
 Румян, как вербный херувим,
 Затянут, нем и недвижим.
 И та, чья юность улыбалась –
 Расцветшей жизни благодать,

¹ Марк Порций Катон – древнеримский политик и писатель, консервативный борец против роскоши.

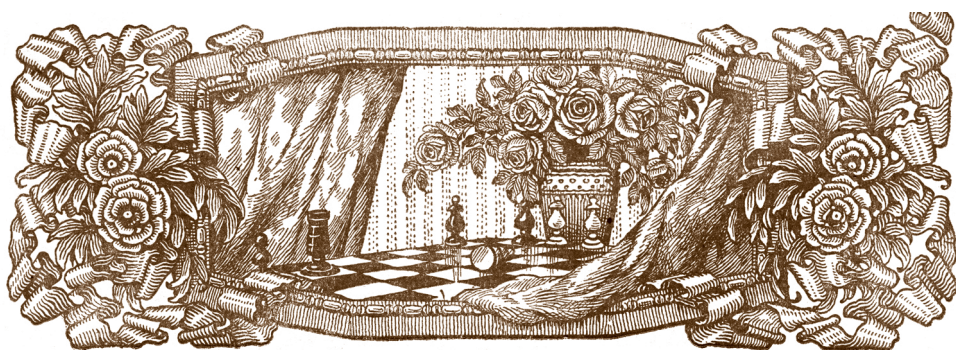
² Ферт – старинное название буквы Ф; стоять фертом – подбоченившись, развязно.

И та, которая собиралась
Уж общим мнением управлять,
И та, чья скромная планета
Вдали от суетного света
Должна была когда-нибудь
Смирненным счастьем блеснуть,
И та, которой сердце, тайно
Нося безумной страсти казнь,
Питало ревность и боязнь, –
Соединенные случайно,
Друг дружке чуждые душой,
Сидели тут одна с другой.
Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика,
Заметь воротник немодный
Под бантом шейного платка;
И земляка провинциала
Хозяйка спесью не смущала;
Для всех гостей она была
Равно проста, равно мила
(вар.: Непринужденна и мила).
Лишь путешественник залетный,
Блестящий лондонский нахал,
Полуулыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,
И быстро обмененный взор
Ему был общий приговор.
В гостинной, истинно дворянской,
Чуждались щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей.
Хозяйкой светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живою странностью своей
(Чему наверно удивится,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один журнал).

Стр. 103 примечание 2

В черновых рукописях к письму Онегина еще три отрывка:

Я позабыл ваш образ милый,
Речей стыдливых нежный звук.
И жизнь сокрыл в душе унылой,
Как искупительный недуг...
Так, я безумец! – и ужели
Я слишком многого прошу?
Когда б хоть тень вы разумели
Того, что в сердце я ношу...
И что же? Вот чего хочу:
Пройду немного с вами рядом,
Упьюсь по капле сладким ядом
И, благодарный, замолчу.

Путешествие Онегина¹

Последняя глава Евгения Онегина была издана особо, со следующим предисловием Пушкина:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифрами; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого номера – восьмой над последней главою Евгения Онегина, и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал –
Хвала вам, девяти Каменам, и проч.

П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть, и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. – Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф».

¹ Печатается здесь по полному тексту этой главы Евгения Онегина, восстановленному А. Ф. Бычковым по собственной ручной тетради Пушкина.

Предметом став суждений шумных,
Несносно, согласитесь в том,
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Каким-то квакером, масоном,
Иль доморощенным Байроном,
Иль даже Демоном моим.
Онегин (вновь займуся им),
Дожив без цели и трудов
До двадцати шести годов,
Убив на поединке друга,
Томясь в объятиях досуга,
Без службы, без жены, без дел,
Быть чем-нибудь давно хотел.

*

Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено – уж он влюблен,
Уж Русью только бредит он!
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой.
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря.

*

Он собрался – и слава Богу!
Июня третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород Великой.
Смирились площади – средь них

Мятежный колокол утих,
Но бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав¹,
С четою грозных Иоаннов²,
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

*

Тоска, тоска! Спешит Евгений
Скорее далее... Теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок;
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки;
Мелькают версты; ямщики
Поют, и свищут, и бранятся;
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

*

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжьей потчует ухой.
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба),
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слышит он.
Замечен он. О нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.

¹ Ярослав Мудрый – новгородский и ростовский князь, при котором в XI веке был составлен первый свод законов.

² Иван III Васильевич и его внук Иван IV Грозный

*

Тоска, тоска! Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина! Пред ним
Макарьев¹ суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик – спелых дочерей,
А дочери – прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух.

*

Тоска! Евгений ждет погоды.
Уж Волга, рек, озер краса,
Его зовет на пышны воды
Под полотняны паруса:
Взманишь охотника нетрудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывым голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил Волжскую волну.

*

Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали. Но вот,
Среди степей своих песчаных,

На берегу соленых вод
Торговый Астрахань открылся.
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают – и, взбешен,
Каспийских вод брега сыпучи
Он оставляет тот же час.
Тоска! Он едет на Кавказ.

*

Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орел державный,
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несется конь черкеса,
И вокруг кочующих шатров
Пасутся овцы калмыков,
Вдали – Кавказские громады:
К ним путь открыт. Пробилась брань
За их естественную грань,
Через их опасные преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

*

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту² остроконечный
И зеленеющий Машук³,
Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;

¹ Макарьевская ярмарка была переведена в Нижний Новгород в 1817 году из города Макарьева.

² Бешту (Беишту) – высочайшая из гор на Кавказских Минеральных Водах.

³ Машук – гора в северо-восточной части Пятигорска.

Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя¹, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть – хотя б на миг.

*

Питая горьки размышленья,
Среди печальной их семьи,
Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
«Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик²?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? – ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

*

Блажен, кто стар! Блажен, кто болен!
Над ним лежит судьбы рука.
Но я здоров, я молод, волен;
Чего мне ждать? Тоска, тоска!..
«Простите, снежных гор вершины,
Увы, кубанские равнины!
Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым.

Воображенью край священный:
С Атридом³ спорил там Пилад⁴,
Там закололся Митридат⁵,
Там пел Мицкевич вдохновенный⁶
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.
Прекрасны вы, берега Тавриды⁷,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне – теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страдания...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны

¹ Почечуй (устар.) – геморрой.

² Откупщик – делец, приобретший право на какой-либо вид государственных доходов.

³ Атриды – сыновья Атрея: герои «Илиады» Агамемнон и Менелай.

⁴ Пилад – персонаж древнегреческой мифологии, который был готов пожертвовать собой ради своего друга Ореста.

⁵ Митридат – царь древнего Босфорского царства, покончил с собой, проиграв римлянам.

⁶ Адам Мицкевич является автором «Крымских сонетов».

⁷ Таврида – одно из исторических названий Крыма.

Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой.¹

*

Порой дождливою наведни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!²
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал
Средь пышных, опустелых зал...
Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

*

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали³.

*

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский⁴ описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем – и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Всё хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом;
Кой-где недавний труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

*

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать: в Одессе грязной –
И тут бы, право, не солгал.

¹ «да сам большой» (устар.) – сам себе хозяин.

² Художникам Фламандской школы было свойственно изображать предметы быденной жизни.

³ Морали – одесский знакомый Пушкина, ходили слухи, что он нажил свое состояние морским разбоем.

⁴ Василий Иванович Туманский – поэт XIX века, одесский приятель Пушкина.

В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

*

Но уж дробит камня молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? – воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

*

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздаётся; на балкон
Маркёр выходит полусонный

С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

*

Глядишь – и площадь запестрела.
Всё оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шают ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин¹?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.
Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном²;
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

*

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в Оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.

¹ Карантин – так называемый карантинный (иностранный) порт в Одессе.

² Известный во времена Пушкина ресторатор в Одессе.

Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет – они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль там очарованья?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima dona? а балет?
А ложа, где красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам...
А муж – в углу за нею дремлет,
Впросонках *фора*¹ закричит,
Зевнет – и снова захрапит.

*

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии² счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревом речитатив.

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

*

Итак, я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
Герое повести моей.
Онегин никогда со мной
Не хвастал дружбою почтовой,
А я, счастливый человек,
Не переписывался век
Ни с кем. Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он
Неприглашенным привиденьем,
И как заахали друзья,
И как обрадовался я!

*

Святая дружба! глас натуры!..
Взглянув друг на друга, потом,
Как Цицероновы авгуры³,
Мы рассмеялись тишком.

.....

.....

*

Не долго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских⁴ вод:
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход.

¹ *Фора* (от итал. *fora* – вперед) – одобрительный крик в театре, вызывающий артиста для повторения, то же, что и «бис».

² *Авзония* – поэтическое название Италии.

³ *Авгуры* – жрецы-предсказатели в Древнем Риме; Марк Тулий Цицерон в своей книге «О гадании» в I в. до н.э. описывал их как мошенников.

⁴ *Понт Эвксинский* – древнегреческое название Черного моря.

Онегин, очень охлажденный
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к неврским берегам.
А я от милых южных дам,
От жирных устриц Черноморских,
От оперы, от темных лож,
И, слава Богу, от вельмож,
Уехал в тень лесов Тригорских¹,
В далекий северный уезд;
И был печален мой присзд.

*

О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,

Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей,
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей.
Вдали, один, среди людей
Вообразать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

¹ Пушкин часто бывал в Тригорском имении, принадлежавшем П. А. Осиповой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	7
ГЛАВА ВТОРАЯ.	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	34
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	47
ГЛАВА ПЯТАЯ.	59
ГЛАВА ШЕСТАЯ.	71
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	81
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.	96
Комментарии и примечания.	109
Путешествие Онегина.	143

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Обработка иллюстраций, верстка

Е. Гезенцевей

Дизайн обложки,
подготовка к печати

А. Яскевич

Сдано в печать 19.07.2021

Объем 9,5 печ. листов

Тираж 3100 экз.

Заказ № 3517/21

Бумага матовая мелованная

HannoArt Bulk

ООО СЗКЭО

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

Приступая к первой главе «Евгения Онегина», Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) и не подозревал, что создаст одно из своих лучших произведений. Начатый без плана, как шуточный рассказ, роман в стихах превратился в настоящую энциклопедию жизни целого общественного слоя России первой четверти XIX в. В «Онегине» поражает широта затронутых тем, внимание к деталям быта, интригующий сюжет, глубина описания персонажей. Особенности жизни той эпохи показаны в романе с непревзойденным мастерством. А. С. Пушкин писал «Евгения Онегина» около семи с половиной лет (1823–1830) и вложил в него всю свою душу. Таким эпохальным трудом для Гёте был «Фауст»,

а для Байрона — «Паломничество Чайльда Гарольда» и «Дон Жуан». Начав писать «Онегина», А. С. Пушкин не рассчитывал на публикацию и работал, как он сам выражался, «спустя рукава», то отражая в очередной главе собственную жизнь, то делая лирические отступления, полные тонкого юмора или глубокого элегического чувства. В результате родился шедевр, с которым сегодня знаком каждый образованный россиянин. В данное издание, помимо классического текста романа, включены многочисленные комментарии, которые помогают лучше разбираться в реалиях российской жизни начала XIX в., а также обширная статья известного литературоведа XIX в. Льва Ивановича Поливанова об истории создания и художественных особенностях этого уникального произведения. В конце издания приводятся варианты некоторых строф и частей романа, которые сохранились только в рукописях поэта, а также «Отрывки из путешествия Онегина», восстановленные А. Ф. Бычковым по рукописной тетради А. С. Пушкина. Книгу украшают великолепные цветные иллюстрации Елены Петровны Самокиш-Судковской, урожденной Бенард (1863–1924), которые позволяют воочию увидеть и героев романа, и окружавшую их жизнь. Елена Петровна родилась в Петербурге в семье военного инженера Петра Петровича Бенарда. Училась живописи в Гельсингфорской рисовальной школе и брала частные уроки у В. П. Верещагина. Ее работы демонстрировались наряду с полотнами таких мэтров живописи, как И. И. Шишкин и И. Е. Репин. Художница много времени уделяла книжной иллюстрации, плакатам и афишам; увлекалась модерном, отсюда любовь к орнаментальным бордюрам, виньеткам, заставкам и концовкам. В 1883 г. она вышла замуж за академика живописи Р. Г. Судковского, но через 2 года он скончался от тифа; в 1889 г. вышла замуж за художника Н. С. Самокиша, — отсюда ее двойная фамилия. Революционные события 1917 г. заставили Е. П. Самокиш-Судковскую перебраться в относительно спокойный Выборг. Позже художница эмигрировала во Францию, скончалась в Париже в 1924 г.

ISBN 978-5-9603-0652-2

9 785960 306522 >

